

АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ
АНАТОЛИЙ МАТВИЕНКО



МАСТЕРОВОЙ

МАГИЯ И ПУЛИ

Мастеровой

Анатолий Дроздов

Мастеровой. Магия и пули

«1С-Паблишинг»

2023

Дроздов А. Ф.

Мастеровой. Магия и пули / А. Ф. Дроздов — «1С-Паблишинг»,
2023 — (Мастеровой)

«Российская империя. На её троне – царь Георгий, поддерживаемый гвардией магов, или, как их называют, Осенённых. Но однажды в этот мир попадает неприкаянная душа. Она вселяется в простого мастерового Фёдора, который сызмала работал на заводе и вёл тихое размеренное существование. Стоит ли говорить, что теперь жизнь Фёдора существенно изменится и о нём заговорит вся империя? Фёдор многое сделал для вооружения армии, создал оружие, о котором прежде и не слыхали. Вот только изобретения эти нравятся далеко не всем. В результате герою приходится бежать и защищаться. Но постоять за себя Фёдор сумеет, а враги ещё горько пожалеют, что не дали ему спокойно заниматься любимым делом. Ждёте подробностей? Читайте!

© Дроздов А. Ф., 2023

© 1С-Паблишинг, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анатолий Дроздов, Анатолий Матвиенко

Мастеровой. Магия и пули

Глава 1

Пистолет-пулемет в руках генерала пророкотал, выдав короткую очередь. Кун перенес огонь на следующие мишени и стрелял по ним, пока не кончились патроны в магазине. Тир наполнился запахом сгоревшего пороха. Генерал положил пистолет-пулемет на стол.

– Любопытное оружие, – сказал подошедшему Федору. – Легкое, ухватистое, в руках лежит, как влитое. Отдача по сравнению с винтовкой невелика. Как у него с кучностью?

– На дистанции в сто саженей пули укладываются в грудную мишень, – сообщил Федор. – Если бить короткими очередями. С длинными – разброс больше. Прилично для пистолетного патрона.

– Слабоват он все же. ГАУ не понравится.

– Вероятно, – не стал спорить Федор. – Но, начнись война, – с руками оторвут. Автомат прост в выделке – можно сделать в мастерской. Дешев – не дороже винтовки.

– А патроны? – возразил генерал. – Они же заграничные. Где их взять в войну? И расход велик – магазин мигом опустел.

– В Туле есть патронный завод.

– Он коммерческий, – покачал головой Кун. – Выпускать станет, если будет спрос. А какой он на патрон от «маузера»? Редок этот пистолет в России. Если б ГАУ заказало патроны... Но оно не станет.

– На сегодня – так, – кивнул Федор. – Но война изменит. Мы должны к ней подготовиться. Был я на патронном заводе, говорил с владельцем. Он не возражает. Если сделать им оснастку, изготовят опытную партию. Технологию освоят. В случае войны запустят производство. Продавать нам будут по пятачку за десяток – это вдвое меньше, чем сейчас.

– Почему так дешево? – удивился генерал.

– Я там кое-что усовершенствовал. Капсюль от нагана, гильза с оболочкой пули – омедненные, стальные. Сердечник из свинцовой проволоки. Ну, и сам процесс... Показал им чертежи. Сразу ухватились.

– Ну, еще бы! – усмехнулся Кун. – Знаменитый оружейник им подарок преподнес. Кто ж откажется? Про патент хоть не забыли?

– Заявку отослали в Петербург. Но патронному заводу отдам за боеприпасы. Столько, сколько нужно, чтобы обучить и снарядить роту.

– Благодаритель вы, Федор Иванович, – усмехнулся генерал. – Ладно, дело ваше. Что хотите от меня?

– Разрешения на изготовление оснастки на заводе. Работы оплачу. Еще нужно сделать партию пистолетов-пулеметов.

– Сколько штук?

– Двести.

– За оснастку, так и быть, платите, – согласился генерал. – А оружие – за счет завода. Эти траты я смогу обосновать. Капитан Кошкин изобрел новинку, ее нужно испытать. Только двести много, для начала – сотню.

– Благодарю, ваше превосходительство!

– Рад помочь, – хмыкнул Кун и направился к выходу из тира. Следом устремился адъютант. К Федору подошли Рогов с Куликовым.

– Что, добился своего? – усмехнулся Рогов. – Продавил свою трещотку?

– Автомат, – поправил Федор. – Полноценное оружие, между прочим.

– Но винтовку не заменит, – продолжил капитан. – Что такое двести метров на войне? Пистолетная дистанция.

– На такой и будут драться, – сообщил Федор. – Даже ближе. А еще – в траншеях. Там с винтовкой развернуться невозможно.

– Да не будет никаких траншей! – хмыкнул Рогов. – Современная война – маневренная. Все об этом говорят – и у нас, и за границей.

– Вскрытие покажет, – улыбнулся Федор.

– Хватит вам! – вмешался Куликов. – Клаузевицы вы наши. О другом поговорим. Где делать автоматы? У меня в цеху?

– Если вы не против, – отозвался Федор.

Куликов взял лежащий на столе пистолет-пулемет. Отсоединил магазин, передернул рукоятку заряжания и нажал спуск, после чего вдавил кнопку на затыльнике. Автомат разложился, словно книга. Капитан вытащил затвор и возвратную пружину, рассмотрел ударно-спусковую группу.

– Проще револьвера, – заключил, собирая автомат. – Хотя кое-что я бы изменил. Например, приклад. Почему он раскладной, да еще из стали? Надо ставить деревянный. Он дешевле и практичней. Не болтается, как этот, – он подергал металлический приклад. – Внутри шомпол поместим – составной, конечно, ершик и масленку. Да и в рукопашной пригодится – там прикладом бьют.

– Не подумал я об этом, – раздалось в голове у Федора. Это Друг проснулся. – ППС был разработан для разведчиков-десантников, да еще танкистов. Там длина оружия важна. Пехота воевала с ППШ. Капитан дело говорит, придется переделать. Кнопку для разборки вверх перенесем вместо той, что отпирает приклад. С деревянным, к слову, кучность возрастет. Ход затвора длинный, вес его большой, импульс кинетический существенный. Жесткость будет к месту.

– Поменяем, – согласился Федор с Куликовым.

– Кожух и коробку отковали на оправке? – продолжил капитан.

– Да, – ответил Федор. – Нет здесь нужных прессов для штамповки. Заготовку вырезал вручную, подгонял фрезой.

– Точечная сварка, – продолжил Куликов, вертя в руках оружие. – Это можно – аппараты есть. Для чего вот это? – ткнул он в компенсатор.

– Чтобы автомат не задирало при стрельбе. И еще от грязи защитит, если в землю ткнуть нечаянно стволом.

– Проще кожух удлинить, – заметил Куликов. – Край косым сделать – сверху вниз.

– Как у ППШ, – хмыкнул Друг. – Голова наш капитан! С лету ухватил.

– Изменяю, – кивнул изобретатель.

– Остальное – без проблем, – закончил Куликов и вернул оружие на стол. – Сделаем мы эти пистолеты-пулеметы. Или же трещотки, как Миша говорит, – улыбнулся, посмотрев на Рогова. – Ты не хмурься, капитан! Федор дело знает. Он еще ни разу не ошибся. Будешь возражать?

– Нет, – ответил Рогов. – Только непривычно. Как игрушка, – указал на автомат.

Куликов улыбнулся и извлек из кармана портсигар. Угостив куревом друзей, сунул портсигар обратно и вытащил зажигалку. Откинув крышку, крутнул колесико. Офицеры прикурили.

– Это тоже – как игрушка? – продолжил Куликов, подкинув зажигалку на ладони. – Маленькая, легкая. Сколько за нее тебе накапало? Поделись!

– Больше тысячи, – смутился капитан. – В прошлом месяце.

– Мне аналогично, – улыбнулся Куликов. – У нас равные пай. А ведь он ее придумал, – указал на Федора. – Помню: кто-то сомневался. Мол, не станут покупать. Ну, и что теперь? Мне Арефьев жаловался – одолели лавочники. Дескать, дай побольше! Из Москвы купцы зачистили. Предлагают поставлять им зажигалки. Весь товар хотят выкупить вместе с мастерской. За большие деньги, между прочим.

– Вот еще чего! – возмутился Рогов. – Мастерскую им отдай. Хрена! Обнаглели толстопузые.

Куликов захохотал, Федор усмехнулся – прижилась его идея. По пути из Петербурга Друг внезапно вспомнил о зажигалках – в войну они стали очень популярны. Удивляться нечему: спички могут отсыреть, да и вспышку их головки ночью разглядишь издали. Тут же пуля прилетит... Зажигалки в этом мире были, но какие! Здоровенные, тяжелые и безумно дорогие. На столе стоять – куда ни шло, но в карман такую не положишь.

– Будем делать «зиппо», – сообщил голос в голове. – Ниша-то пустая, рынок их не видел. Вещь необходимая, в очередь за ними встанут.

* * *

Воротившись в Тулу, Федор изготовил штампы и отвез их на патронный завод. Заказал там заготовки, оплатил наличными. Почему у них? Друг так посоветовал, наказав не городить барьеры. Есть завод, где тянут гильзы из латуни – значит, налицо кадры и металл. Прессы тоже есть, как же там без них? Получив заготовки корпусов, Федор собрал десяток зажигалок. Было бы скорее, но проблемой стал кремешок, из которого колесико высекает искры. Никакого камня в нем, конечно, нет, это сплав железа с редкими металлами. Кремешки делали в Германии и ввозили их в Россию небольшими партиями. Пришлось поискать и купить за дорого. Но зато зажигалки вышли безотказные. Федор их проверил и продемонстрировал друзьям.

– Полагаешь, будут брать? – усомнился тогда Рогов.

– С руками оторвут, – улыбнулся Федор. – Просто и надежно. Кремешки закупим, а бензин в аптеках продается.

– Почему такая маленькая? – не отстал Рогов.

– Под карман в жилетке. Специально рассчитал.

– Какова себестоимость? – подключился Куликов.

– При большой партии – копеек двадцать пять. Может, тридцать. Продавать же будем по полтине.

– Не возьмут за столько, – не поверил Рогов. – Это пятьдесят коробок спичек.

– Спички есть у всех, – сказал Федор. – Зажигалка – не у каждого. Статусная вещь.

Рассудить их спор пригласили родственника жены Куликова по фамилии Арефьев. В Туле он владел мелочными лавками. Арефьев повертел «зиппо», высек пару раз огонь, примерил зажигалку к жилетному карману и кивнул:

– По полтине заберу – тысячу для пробы.

– Продавать по сколько будете? – не замедлил Федор.

– Для начала – по рублю, – сообщил купец.

– Это что же получается? – возмутился Куликов. – Нам двугривенный за штуку, а тебе полтина?

– Можем лучше поделить, – не смутился гость. – Если долю выделите. Третья часть моя.

– Рожа-то не треснет? – фыркнул Куликов. – Тридцать три процента? Мы – товар на блюде, он торгует, но получит больше. Сами продадим.

– За прилавок, что ли, встанете? – хохотнул купец. – Не забудьте ордена надеть.

– Я тебе! – поднялся Куликов.

– Погодите, Николай Егорович! – вмешался Федор. – Ерофей Семенович отчего-то вдруг решил, что других купцов в Туле не имеется. Мы отыщем компаньона. Поумней и не такого жадного. Вот на этом, – указал на зажигалку, – можно состояние составить.

Арефьев засопел и сник.

– Ваше слово? – выдавил уныло.

– Двадцать пять процентов. Нас тут четверо, значит, доли равные. Но при этом все берете на себя. Начиная с выделки и торговлей завершая. Мы лишь контролируем процесс. А еще готовим инструмент и обучим кадры. Ну, так как, согласны?

– Ладно, – пробурчал Арефьев.

– Приходные книги буду проверять, – не замедлил Куликов.

– Проверяй, конечно, Николай Егорович, – выдохнул купец. – Я за то не беспокоюсь. Не найдешь ты человека, кто б тебе поведал, что Арефьев обманул. Ладно, господа хорошие, по рукам!

И Арефьев развернулся. Не прошло недели, как подряженные им мастеровые выдали продукцию. За кремнями он послал приказчика в Германию. Тот скупил у производителя товар и оставил впечатляющий заказ. Заплатил наличными. Немцы возбудились и сказали: «Данкешен!». Обещали производство нарастить. Федор дал команду не скупиться. В случае войны границу перекроют, нужно создавать запас. Друг припомнил, что в Великую войну, кремни стали дефицитом, их ввозили контрабандой...

* * *

– Федор?

Офицеры смотрели на него.

– Да задумался чуток, – отрешился он от воспоминаний.

– Снова об оружии? – улыбнулся Куликов. – Что на этот раз?

– Нет, о барышнях, – не замедлил Федор.

– Будет тебе врать! – фыркнул Куликов. – Да какие барышни! Скоро ночевать будешь на заводе. Прямо сам себя изводишь. Неужели Соколову не забыл? Где она сейчас?

– Говорят, в Тамбове служит классной дамой. В институте благородных девиц.

– Ты откуда знаешь?

– Сообщили, – напустил туману Федор. Не хотел рассказывать друзьям, что послал запрос в Министерство просвещения. Через две недели получил ответ. Догадаться, что сбегавшая невеста станет вновь учителем, не составило труда.

– Я надеюсь, что в Тамбов ты не поедешь? – не замедлил Куликов.

– Нет, – ответил Федор. – То, что было, отгорело.

– Вот и славно! – подключился Рогов. – Приглашаем тебя в гости. Завтра воскресенье, нужно отдохнуть. Посидим у Николая. Дети по тебе соскучились. Говорят: где дядя Федор? Почему нам вкусенького не несет? – засмеялся капитан. – Приучил ты их. Так что приходи! Надо бы отметить наше «зажигательное» дело. Жены рады будут. Я Варвару приглашу. Ты не возражаешь?

– Нет, – ответил Федор.

– Значит, завтра в полдень...

* * *

В мастерской Федор спрятал автомат и достал чертежную доску. Набросал эскиз нового затильника и крепления приклада. В понедельник передаст на производство. Испытает и запустит в серию, к Рождеству будут автоматы. Что потом? Друг подскажет. Завершив работу, снял

эскиз и глянул на часы – время уходить. За окном темнеет – осень на дворе. В мастерской он был один, уходя, закрывает дверь на ключ. Это помещение выделили ему в личное пользование. Притащили несколько станков, подключили к электричеству. Работай – никто не мешает. Федор иногда привлекал мастеровых, только большей частью обходился сам. Сняв мундир и надев халат, трудился за станком. Офицеру, вроде, не к лицу, но он так привык, и к этому на заводе относились с пониманием – изобретатель как-никак. Пусть хоть молотом машет, лишь бы дело спорилось.

Затворив дверь, Федор спустился с крыльца и зашагал между пыльными корпусами. За кирпичными стенами работали станки, их гул и визг металла заполнял окружающее пространство. Меж цехов витал запах лака и веретенного масла, а от кузниц несло дымом от сгоревшего угля. Пахло железом. Тот, кто говорит, что металл не пахнет, никогда не видел производства. Это запах обработанных деталей и готового оружия. Он въедается в металл и стены корпусов, и даже если их освободить от оборудования, остается на года.

Миновав проходную, Федор двинул к дому. Шел неспешно, погруженный в думы. Год с лишним миновал, как он обзавелся Другом. Неприкакаянная душа, подселившись в голову мастерового, изменила его жизнь. Токарь стал изобретателем, а затем и офицером. Отличился на границе, получив «Георгия». Вместе с ним – потомственное дворянство. Сирота, подкидыш из приюта... Он теперь богат и знаменит, уважаем на заводе – и не только. Почему же на душе тоскливо? Дело в Соколовой? Да, обидела сбежавшая невеста. Только не соврал он офицерам – отболело. Отчего ж душа грустит, а в сердце пустота?..

– Забежим в трактир? – раздалось в голове. – Поедим и выпьем. Автомат мы сделали, полагается отметить.

– А, пожалуй! – согласился Федор.

Не прошло и часа, как он, сытый и довольный, подошел к подъезду. Воротясь из Петербурга, он не стал менять квартиру и остался в комнате, которую снял, перебравшись из Москвы. Капитану, вроде, не по чину, но искать другую было влом. И привык он к этому дому.

Дверь ему открыл швейцар.

– Добрый вечер, ваше высокоблагородие, – поприветствовал жильца. – Вам письмо.

Федор взял протянутый конверт. Почерк незнакомый, на конверте – прихотливый герб. Адресовано ему: «Капитану Кошкину, дом Хвостовой в Туле». Наградив швейцара пятакон, Федор двинулся к себе, где и вскрыл конверт.

«Здравствуйте, господин капитан. Сообщаю новость. Государь соизволил подписать мое прошение о приеме Вас в мой род. Но при этом сохранил Вам прежнюю фамилию. Полагаю, что причиной стал Ваш дар Зеркального щита. Его нет ни у кого из родовых. Сути дела это не меняет. Вы отныне мой наследник, князь Юсупов-Кошкин. В воскресенье, 6 октября, я устраиваю прием. Приглашены главы родов Москвы и некоторые – из Петербурга. Извольте непременно быть. Я представляю Вас гостям.

Князь Юсупов».

– Твою мать! – произнес вслух Федор, опускаясь на кровать.

– Недоволен, Федя? – раздалось в голове.

– Ты же уверял: до такого не дойдет, – отозвался Федор. – Или князь умрет, или царь откажет.

– Не срослось, – посетовал Друг. – Обмишулился чуток. Ладно, не грусти. Ну, побудем мы князьями. Делу не помеха.

– Хорошо бы так, – не поверил Федор. – Но ведь многое меняется. Отношение друзей, коллег, начальства. Трудности продвижу.

– А наплюй! – раздалось в голове. – Титул – это чепуха. Помнишь, говорил про войну и революцию? Если здесь случится, титулы отменяют, и дворянство – тоже.

– Хорошо бы так, – вздохнул Федор.

– Ладно, отдыхай! – получил в ответ. – В церковь завтра загляни, свечечку поставь. Исповедайся попу, он грехи отпустит. Как родишься заново, господин Юсупов-Кошкин.

– Ну и шутки у тебя! – не замедлил Федор. – Балаболка!

Друг захохотал...

* * *

В полдень следующего дня Федор подкатил в коляске к дому на Петровской улице. Заплатив извозчику, поднялся на второй этаж. В гостиной к нему устремились дочери Куликова и сынок Рогова. Федор наделил их конфетами, вручив каждому кулек. Получив «Спасибо!» с обнимашками, подошел к взрослым. Приложился к ручкам дам, минуя Варвару – незамужним руки не целуют, – поздоровался с друзьями.

– Приглашаю всех к столу! – огласил немедля Куликов. – Глафира, подавай!

Ожидавшая кухарка занесла в гостиную поднос и стала расставлять блюда на столе. Рыжики в сметане, осетрина, ветчина... А еще свежайший хлеб, вина и сидро. Напитки полились в бокалы, кушанья заняли место на тарелках. Куликов поднял бокал.

– Предлагаю тост за Федора! – объявил с улыбкой. – За его голову и руки золотые. Мы, все трое, получили выплаты. Так удачно вложить деньги без него не смогли бы. Дело развивается, как сказал Арефьев, есть нужда в новых мастерских. Нынешняя не справляется. Это означает, что доходы возрастут. За тебя, Георгиевский кавалер!

Все присутствующие выпили и набросились на закуски. Несколько минут слышен был стук ножей и вилок о посуду. Долго это не продлилось – Куликов предложил вновь наполнить бокалы. Кухарка подала жаркое. Застолье набирало обороты. Федор ел и пил, не замечая вкуса. Погрузившись в мысли, он не принимал участия в разговоре, что не ускользнуло от внимания сидевших за столом.

– Что с тобою, Федор? – поинтересовался Куликов. – Не случилось ли чего?

– Есть такое, – ответил свежий князь и достал вчерашнее письмо. Протянул его хозяину. – Ознакомьтесь, господа.

Куликов взял листок, пробежал его глазами. Хмыкнув, протянул жене. От нее письмо попало в руки Рогова и его супруги. Последней ознакомилась Варвара. Покачала головой и вернула адресату. За столом воцарилось молчание, все уставились на Федора.

– Вот не надо, а? – буркнул он, кладя письмо в карман. – Ничего не поменялось. Буду я по-прежнему такой же Федор, инженер Тульского завода. Остаюсь здесь жить, трудиться. Назовет кто сиятельством – рассержусь. Как-то так.

– Это князь Юсупов ожидал тебя в Москве? – спросил Куликов. – Ну, когда мы на вокзал приехали?

– Да, – ответил Федор. – Там и сделал предложение. Я не сразу согласился. Только он уговорил. Трудно отказать отцу, потерявшему наследника...

– От твоей руки, – хмыкнул Друг.

– Я поставил лишь условие: не меняю ничего, – продолжил Федор. – Буду жить, как прежде. Князь не возражал. Только попросил два-три раза в год навещать его в Москве, выходить с ним в свет. Это посчитал необременительным.

– Нам об этом не сказал, – покачал Рогов головой.

– Откровенно говоря, думал, что не выйдет у Юсупова – государь к нему не благоволил. Отказал бы в просьбе – что бы обо мне подумали? Дескать, хвастунишка, пустобрех. Не хотелось выглядеть таким. Если уж начистоту, я ошибку совершил. Только не сейчас, а год назад. Мне не следовало рваться в офицеры.

– Почему? – удивился Куликов.

– Лучше быть простым мастерским. Изобретать оружие не мешает. Но зато остался бы свободным. Это самое дворянство, а теперь и титул вяжут по рукам. Масса всяческих условий. Так себя веди, а другое не моги...

– Но зато теперь вы родовой.

– Не один такой, – ответил Федор. – Вот, Варвара Николаевна из рода Оболенских. Алевтина Григорьевна по рождению... – он сделал паузу.

– Фон Аш, – подсказала Рогова. – Баронесса. Титул потеряла, выйдя замуж. Не могу сказать, что очень сожалею. Быть женою капитана мне куда приятней.

– Как и мне остаться просто Федором, – улыбнулся Кошкин. – Ну, так как? Договорились?

– По рукам, как говорит Арефьев, – согласился Куликов. – Но в своем кругу. На людях не положено. Так что или милостивый государь, или все же сиятельство.

– Разберемся, – улыбнулся Федор.

Застолье воротилось в берега. Завязались разговоры, Федор тоже подключился. Новость словно позабыли, хотя некоторое напряжение ощущалось. Чтобы снять его, Федор сел за пианино и сыграл несколько мелодий. Прибежали перепачканные шоколадом дети и стали танцевать – то есть прыгать и вопить. Взрослые смеялись. Федор подключился к шалостям детей. Бросив пианино, силой дара поднимал детишек в воздух и кружил их по гостиной. Те летали, словно птички. А еще визжали и махали ручками. Расшалились так, что едва не сбили с ног кухарку, заглянувшую в гостиную. Увидав это, Алевтина велела прекратить полеты и с женою Куликова увела детей. Мужчины, извинившись, отошли курить. Воротившиеся жены офицеров подсели к Варваре.

– Ну, что скажешь, дорогая? – спросила Алевтина. – Твой-то князь теперь.

– Да какой он мой? – вздохнула девушка. – Нет у него ко мне влечения. Только хуже стало. Если раньше и была надежда, то сейчас исчезла. Князь Юсупов разрешения на брак не даст. Я ведь изгнана из рода.

– А ты сделай так... – сказала Алевтина и, склонившись, зашептала.

– Что ты ей советуешь? – возмутилась Куликова, когда та смолкла. – Содержанкой стать?

– Экономкой, – уточнила Алевтина. – И подругой. Князь Юсупов стар и, как знаю, нездоров. Его смерть развяжет руки Федору. Вот тогда и обвенчаются. Сколько случаев таких! Иногда годами ждут.

– Если князь его не женит.

– Федора-то? – засмеялась Алевтина. – Он лишь с виду мягкий, а внутри стальной. Ты же слышала сама, на каких условиях он принял предложение Юсупова. Полагаю, если князь насытит, Федор сам из рода выйдет. И плевать ему на титул.

– Ну, а дети? – не отстала Куликова. – От Варвары? Ведь они случатся. С ними как?

– Усыновит и примет в род, – сказала Алевтина. – Никаких проблем.

– Ну, а если не захочет?

– Федор? – улыбнулась Алевтина. – Плохо его знаешь. Не забыла, как он твоих девочек вместе с Игорьком кружил? Я порой ревную его к сыну. Он ведь «дядю» обожает. Дети чувствуют любовь. Если Федор так к чужим, то к своим – тем более.

– Ну, а ты что скажешь? – Куликова посмотрела на Варвару. – Неужели согласишься?

– Да вприпрыжку побегу, – отозвалась девушка. – Он необыкновенный человек. Вот, смотрите, князем стал. Кто другой бы воспарил – отдалился бы от нас. Дескать, больше не ровня. А ему неловко, чуть не извинялся. Стать его подругой – это счастье. А женою – так вдвойне. Только не захочет, – всхлипнула Варвара.

– Слезы убери, княжна! – приказала Алевтина. – Улыбайся и шути! Ты ведь родовая. Нас чему учили? Чувства сохранять внутри. Только так добьешься, чего желаешь.

– Хорошо, что я не родовая, – вздохнула Куликова. – Понимаю Федора. Проще жить мастеровым. Поступай, как хочешь, никаких условностей. Зря он дворянином стал.

– Соколову повстречал, – объяснила Алевтина. – И влюбился в дочку офицера. Думал стать ровней. Вот же дура! – хмыкнула она. – Была бы сейчас княгиней. Я ведь сразу поняла: не подходит она Федору! Ветер в голове. Вот возьми Варвару. Ты бы укатила с Осененным, бросив жениха?

– Федю? Ни за что!

– Он в ту пору не был офицером, – сказала Куликова. – Техником всего.

– Все равно, – ответила Варвара. – Пусть хоть мастеровым.

– Поняла, подруга? – усмехнулась Алевтина. – Вот меня возьми. Кем мой Миша был, когда мы поженились? Подпоручик, бедный, словно крестьянин. Я ему под стать – изгнанная родом бесприданница. Ну, и кто теперь? Капитанша и высокоблагородие. Деньги появились, Миша дом присматривает. Человека нужно выбирать, а не чин и титул. Как-то говорила с Федором, он мне и скажи: «Чтобы генеральшей стать, замуж нужно выйти за поручика». Может быть, и стану, почему бы нет? Если Коля твой не опередит.

– Он-то постарается, – подтвердила Куликова. – Муж такой.

Дамы хохотнули, Варвара поддержала. Так, смеющимися, и застали их вернувшиеся мужчины.

– Веселятся тут без нас, – заметил Куликов. – Ну, а мы грустим. Спрашивается, почему? – сделал он загадочное лицо. – Потому что пулярку не отвели. А ведь та готова, ждет в духовке. Глафира, подавай! С нею – коньячку. Два графина.

– А не много будет? – нахмурилась жена.

– Под пулярку – в самый раз, – ответил Куликов. – У нас праздник – дело принесло доход, Федор князем стал. Большой грех не отметить это!

– А тебе лишь бы повод, – хмыкнула супруга. – Греховодник старый.

– Это мы посмотрим: старый или нет, – ответил Куликов. – Гости как уйдут...

– Вот охальник! – возмутилась Куликова. – А ведь дворянин.

– Бывший мещанин, – парировал супруг. – Мой отец мастеровой, мать – крестьянка. Так что извините, капитанша, парвеню.

– Стоит только выпить – и язык как помело, – вздохнула Куликова. – Брал бы с Федора пример. Он-то вежливый, культурный.

– Это здесь, в гостях, – не замедлил офицер. – Дома, может быть, другой. Так ведь, милостивый государь? – подмигнул он Федору.

– Дома я молчу, – отозвался свежий князь. – Не с кем говорить.

– Это ненадолго, – сказала Куликова и, смутившись, покраснела.

– Господа, к столу! – возвысил голос муж...

Час спустя Федор провожал Варвару. Шли пешком. День стоял погожий, теплый, отчего б не погулять? И идти недалеко.

– Вам придется переехать, – сообщила вдруг Варвара. – Снять квартиру побольше или вовсе дом. Титул того требует.

– Это вы серьезно? – удивился Федор.

– Сами говорили про условности. Люди не поймут. Вы не просто князь, вы Юсупов. Богатейшая фамилия. Жить Юсупову в комнатенке моветон. Нужен дом, выезд и прислуга. Так положено.

– Вот ведь незадача! – огорчился Федор. – И когда мне этим заниматься? Дел полно.

– Поручите это управляющему или экономке.

– Где же их искать?

– Можно, я спрошу?

– Да, конечно!

– Кто я вам?

– Друг, – ответил Федор, не задумавшись. – Близкий и надежный.

– Так доверьте это дело мне.

– Взять вас экономкой? – Федор уточнил. И продолжил, получив кивок. – Я не возражаю. Только как быть с вашей репутацией? Люди посчитают вас моей любовницей. Иль похуже – содержанкой.

– Пусть считают! – не замедлила Варвара. – Кое-кто, возможно, позавидует. Мне, чтоб вы знали, нечего терять. Бывшая княжна, изгой. Я вас очень уважаю и хочу помочь – снять с вас хлопоты по дому.

– Я согласен, если так, – ответил Федор. – Только слово «экономка» не подходит для княжны. «Управляющий» – тем более, это для мужчин. Как же вас назвать? – он изобразил задумчивость. – Разве что «домоправительница»? Вы не возражаете?

– Мне подходит, – рассмеялась вдруг Варвара. – Хорошо звучит: домоправительница Оболенская.

– Домомучительница фрекен Бок, – раздалось в голове у Федора. – Ох, примучит она нас! Словно Малыша.

– Не тушуйся, Алексей Сергеевич! – мысленно отозвался Кошкин. – Нас ведь двое. Я промашку дам – тут же и поправишь. Ведь Варвара дело предлагает – снять с меня заботы.

– А потом – штаны, – хмыкнул Друг.

– Ты охальник, словно Куликов. Опьянел от коньяка.

– Будто я один.

– Ладно, завершили.

Федор обернулся к Оболенской.

– Приступайте, Варвара Николаевна. Это на расходы, – он достал бумажник и извлек несколько купюр.

– Отчитаюсь о затратах, – сообщила Оболенская, пряча деньги в сумочку.

– И держите меня в курсе. Адрес вам известен. Дом, квартиру мы посмотрим вместе. И прислугу подберем. Горничную, например. Может, Фросю мне сманить? Девка молодая, расторопная. В доме, где живу, работает. Предложить ей чуть побольше?

– Обойдемся, – возразила Оболенская. – Молодая не годится – ветер в голове. Ухажеров наведет. Лучше нам семейных брать – трезвых, обстоятельных.

– Занимайтесь, – согласился Федор. – Вы – домоправительница.

Так и распрощались. Кошкин, не спеша, отправился к себе. К дому, пребывать в котором осталось недолго.

– Заживем, как олигархи, – пробудился Друг. – Дом, прислуга, выезд. Яхту, что ли, прикупить? Или девок для утех? Завести гарем. Князь ты или погулять вышел? Жаль, с гаремом не получится. Варвара Николаевна та еще штучка, Фросю вмиг отшила. Зачем ей конкурентки?

– Варя добрая и милая.

– Но характер у нее – ого! Я всегда таких боялся. Приберет тебя к рукам – и забудешь обо мне.

– Никогда! – ответил Федор. – Нам с тобой такое предстоит... Сам же говорил. Друг ты мне или нет?

– Друг, конечно, – отозвалось в голове. – Это я ворчу. Старый стал совсем.

– Никакой ты не старик! – Федор улыбнулся. – Очень даже молодой. Мне с тобою хорошо.

– Как и мне с тобою. Ты мне словно сын. Там у меня не было детей, здесь же появился.

Поступай, как знаешь. Эта жизнь – твоя.

– Я охотно разделю ее с тобой...

Глава 2

Когда-то у него было имя – Андронов Алексей Сергеевич. Имелось тело с органами чувств: он видел, слышал, осязал. А потом этого не стало – осталась лишь душа...

Алексей вырос в обеспеченной семье. Отец – главный инженер завода, мать – учительница. Единственный ребенок, любимый и заласканный. Отец женился на уроженке Сталинграда, пережившей ад во время сражения за город. Уцелевшие жители прятались в подвале. Там все и случилось. Однажды рядом с их убежищем взорвалась бомба. Ударом девочку оглушило, и что-то оборвалось в ее сердце. Она выжила, но стала инвалидом. Врачи запретили ей рожать, но она их не послушала. Сколько себя помнил Алексей, в их доме стоял запах лекарств, а мать периодически ложилась на кровать, пережидая приступ. Каждый год отец покупал ей путевку в санаторий, и мать возвращалась из него, полной сил. Жить становилось веселей.

С малых лет Алексей помогал по дому – к этому приучил его отец. Он и сам, придя домой, снимал с себя костюм и становился у плиты. Или брал тряпку со шваброй. Мать пыталась возражать, но отец не слушал.

– Что люди скажут? – упрекала мать. – Главный инженер полы в доме моет. И еду готовит.

– Мы им не расскажем, – отвечал отец. – Так ведь, дорогая? Или, хочешь, домработницу найдем?

– Мы не академики, – возражала мать. – Знаю этих домработниц. Только в дом впусти, сразу мужа уведет. Обойдемся как-нибудь.

К десяти годам Алексей многое умел: убирал, готовил и стирал. Родители его хвалили и ласкали, чем отпрыск пользовался. Учился избирательно. Терпеть не мог литературу с биологией, уважал математику и физику. Но над ними тоже не корпел. Учителя жаловались родителям: мальчик-то способный, но учиться не желает. Леша не ленился – просто не старался. Он любил играть в футбол, погонять на велосипеде. Случалось и подраться. Как-то даже угодил в милицию. Ограждая сына от влияния улицы, родители купили пианино, в дом стал приходить репетитор. Мальчика он хвалил: дескать, слух имеется, и играет хорошо. Через год Леша уверенно выбивал из клавиш популярные мелодии и даже пел, услаждая слух родителей. Музыканта, впрочем, из него не вышло – надоели постоянные упражнения и часы за инструментом. Во дворе было интереснее.

Школу он закончил с тройками. Средний бал – меньше четырех. В политех не поступил, провалившись на экзаменах. Разозлившийся отец устроил сына на завод – свой, конечно. Думал наказать, но вышло по-иному – Алексею вдруг понравилось. Интересно ведь смотреть, как черная болванка превращается в блестящую деталь – каждый раз в другую. Ремесло он постигал в инструментальном цехе. Учеников здесь было мало, как и вообще молодежи – в основном, работали немолодые и семейные мужчины. К Леше относились по-отечески – охотно помогали и советовали. В обед рабочие сражались в домино, Леша наблюдал со стороны. Грохоча костяшками по столу, игроки подначивали соперников. Из их реплик Леша многое узнал. Половина станочников воевала на фронтах, вторая не успела – возрастом не вышли. Но и им хватило лиха: призванные в 1945-м, прослужили восемь лет. Истощенная войной страна не искала им замену, дав возможность тем, кто помоложе, завершить образование. Эти же остались с четырьмя классами, в лучшем случае – с семьей. Отец Леша не служил: работал на заводе, а затем учился в институте. Тем интереснее было слушать о войне.

Наставником Алексею назначили фронтовика. Бывший летчик, горевший в самолете, он войну не вспоминал – не любил. Но учил старательно. Через месяц Алексей сдал экзамен, получив разряд. Пусть второй, но все же токарь. А весной следующего года ему принесли повестку. В армии посадили за баранку. У отца имелись «жигули», он научил сына управлять машиной. Леша получил права с отсрочкой до вступления их в силу. Восемнадцать стукнуло – и ты води-

тель, «мазута» по-армейски. После года службы он подал рапорт о желании поступить в военное училище. Выбрал Калининградское военно-инженерное. Для солдат срочной службы там имелись льготы – достаточно сдать экзамены на тройки. У Леши получилось. Учился он старательно – было интересно. Время пролетело незаметно, и лейтенант Андронов, заглянув к родителям, отправился служить. Но не в тихий гарнизон – а «за речку». СССР воевал в Афганистане. Там Алексей получил первый орден и ранение.

Их колонну встретили на марше. Вспыхнул от разрыва мины головной бронетранспортер, а потом – и замыкающий. С гор и от близкого кишлага затрещали автоматы, застучали выстрелы винтовок. Алексей не сплеховал. Сдернул солдата-срочника, растерявшегося в хлам, с подвесного сидения башни и открыл огонь из КПВТ. «Духам» резко поплохело – пули калибром 14,5 миллиметров прошивали дувалы, как бумагу, рвали их тела на части, разбивали брустверы из камня. Стрелять стали и другие бэтээры. «Духи» дали драпа и смотались восвояси. Алексей вылез из машины – подсчитать потери, и словил спиной пулю. Снайпер где-то затаился, следовало бы не спешить...

Снайпера ребята замочили, Алексея отвезли в Ташкент. В госпитале ему вручили «звездочку» – за подвиг и пролитую кровь. Встав на ноги, Алексей получил отпуск по ранению и отправился к родителям. Говорить им ничего не стал, даже орден спрятал – не хотел тревожить мать. На вопросы отвечал, что скучает в гарнизоне, где обслуживает технику. Так на это и учился. Воевать в Афганистане? Что ты, мама! Что там делать инженеру? Там пехота и десантники, а еще танкисты с летчиками.

После отпуска, вернувшись в часть, Алексей возглавил взвод разведки – инженерной, если кто не понял. Вновь пришлось повоевать, получить осколок в руку. В этот раз в Ташкент не повезли – лечился в медсанбате. Как-то навестившие его друзья принесли винтовку «Ли-Энфилд». Этих «буров» у афганцев было много. Алексей винтовку разобрал, подивившись хитрому затвору. Боевых упоров не имеется, запираение ствола происходит в средней части. В этот миг и родилась его любовь к оружию. Трофейных иностранных образцов в армии хватало. Душманы воевали, чем придется. Винтовки, автоматы, пулеметы, пистолеты... Алексей их разбирали и изучал.

Отслужив свой срок в Афгане, старший лейтенант Андронов отправился в Германию, то бишь ГДР. Так в Советской Армии поощряли тех, кто «за речкой» отличился. Служить в ГСВГ мечтали многие. Молодого командира роты сослуживцы встретили прохладно – позавидовали наградам и карьерному росту.

– Не проблема, – говорил Алексей, отвечая на подначки. – Напишите рапорт – и в Афган. Возвратитесь с орденами.

– Иль в гробу, – отвечали сослуживцы. Подавать рапорта они не спешили.

В Германии Алексей усовершенствовал свой немецкий и познакомился с будущей женой – дочерью полковника. Она приезжала навестить отца. Молодой, красивый офицер, награжденный орденами, покорило сердце выпускницы вуза. Поженились, переехали в Союз, в этот раз – в Молдавию. Долго там не задержались – СССР распался, в Приднестровье начались бои. Тесть похлопотал, и семья Андроновых переехала в Россию. Там же и распалась: офицеры на осколках СССР больше не считались перспективной партией – бизнесмены и бандиты предпочтительнее. Жить на зарплату капитана становилось сложно, Алексей уволился из армии. Перебрался к родителям в Подольск. Некоторое время таксовал на отцовских «жигулях», а потом устроился на СТО. Делал для ребят детали на станках – наловчился в армии. Не сказать, чтоб шикавал, но хватало на еду и одежку. Скоро схоронил родителей – их добил распад страны. Мать лишилась нужного лечения, сердце ее сдало. Следом ушел отец – умер от инсульта. В СССР его бы подлечили, но в начале 90-х... Ни лекарств, ни должного ухода, если не заплатишь. Алексей плакал и ругался, но помочь не смог – не хватило денег. Един-

ственную семейную ценность – «жигули» они продали раньше. Деньги все потратили на лекарства и продукты.

В 1995 году Родина вспомнила о капитане. Его призвали из запаса и направили в Чечню. Воевал недолго. На дороге их колонна встретила засаду. Получилось, как в Афгане, но куда страшнее – чеченцы воевали злее и решительней. Но разбить колонну им не удалось – Андронов организовал отпор. Бились до последнего патрона, потому как знали, что бывает с теми, кто сдается «духам» в плен. А потом «вертушки» подоспели... Их прилета Алексей не увидел – рядом разорвался ВОГ. Алюминиевый осколок, угодив в подмышку, замер возле сердца. Доставать его не стали – то ли побоялись, то ли решили не возиться. Алексея признали инвалидом, дали звание майора и отправили в отставку. Но не наградили – видно, чтоб не жировал.

Воротившись в свой Подольск, Алексей пришел на СТО, вновь точил детали. Став побольше зарабатывать, занялся оружием. Для начала доводил до ума ружья у друзей. Получалось хорошо, им понравилось. Сарафанное радио сработало – к Алексею потянулись клиенты. Когда их стало много, он оставил СТО, создав мастерскую. Ремонтировал и доводил до ума все, что приносили – от пулеметов до кремневых ружей. С появлением интернета зависал на профильных форумах. Знание иностранных языков помогло стать своим среди зарубежных оружейников. Его начали приглашать в качестве эксперта, в том числе и за границу. Для того он выучил французский – раньше не было нужды. Языки он постигал легко – помогала память и врожденная способность их воспринимать.

Денег стало больше, Андронов не нуждался. Мог позволить себе отдых на Мальдивских островах или, скажем, на Ямайке, да еще в компании девиц. Их в его постели побывало много. Но жену не заводил, видя в претендентках лишь корыстный интерес. Немолодой мужчина, инвалид, чем он интересен женщинам? Только лишь деньгами. Хватит, раз обжегся.

Жизнью своей бывшей он не интересовался, но однажды их свела судьба. Возвращался из Москвы – отвозил клиенту древний штуцер, и увидел на обочине голосующую женщину. Рядом с ней застыл издававший виды «гольф». Алексей затормозил и вышел посмотреть. Супругу он узнал не сразу, а она – наоборот.

– Алексей? – спросила неуверенно.

– Таня? – удивился Алексей, разглядев бывшую жену. Она сильно изменилась. Тусклый взор, морщины возле глаз, оплывшая фигура... – Что тут у тебя?

– Вот, заглохла, – она указала на машину.

– Дай ключи, – протянул он руку.

Неисправность оказалась пустяковой – перегорел предохранитель. Запасные у него были, заменил. «Гольф» завелся, застучав изношенным мотором.

– Можно ехать, – он вернул ключи Татьяне. – Рекомендую заглянуть на СТО – электрик дополнительно посмотрит. Просто так предохранители не горят. Счастливого пути!

– Погоди! – остановила его бывшая. – Что ты сразу так... Рассказал бы о себе. Как живешь?

– Нормально, – ответил Алексей.

– Вижу, – согласилась бывшая. – Новенький «ленд круизер» и прикид неслабый. (Алексей поехал к клиенту при параде, дабы впечатлить. Так платили больше.) Чем ты занимаешься?

– Оружием, – ответил он, опустив подробности. – Ну, а ты?

– Я учительствую, – Татьяна горько усмехнулась. – В школу возвратилась. Денег мало. Муж погиб – убили у подъезда, бизнес отобрали за долги. Как-то существую. Ты женат?

– Четверо детей, – ответил Алексей. – Трое сыновей и маленькая дочка. Дружная семья, дом за городом. Вот приеду, будем жарить шашлыки – мясом закупились. Пригласим друзей, повеселимся. Я работал много, нужно отдохнуть.

– Что ж, удачи! – сморщилась Татьяна. – Я поеду, меня тоже ждут.

И они разъехались. Почему Андронов ей соврал, сам не понимал. Нет у него ни загородного дома, ни детей. Уязвить хотел? Глупо, не мальчишка все же. Понял только позже: испугался, что захочет возвратиться. Отказать ей не смог бы: он по-прежнему ее любил – даже вот такую, постаревшую. В то же время помнил и предательство. Оба чувства были одинаково сильны – ничего у них не получилось бы...

Время шло, Алексей старел и все меньше занимался ремеслом. Стало подводить здоровье. В тот несчастный день он запнулся о ступеньку и упал на лестнице. Сердце вдруг кольнуло, грудь налилась болью. Она стала нестерпимой, а потом взяла и прекратилась – вместе с жизнью. Алексей внезапно воспарил, увидел себя на лестнице и понял, что скончался. А потом его куда-то потащило. Он летел по черному туннелю, от него что-то отлетало – позже оказалось, что воспоминания. Сколько это продолжалось, он сказать не мог, но довольно долго. А когда все же прекратилось, очутился в каменном мешке – темном и ужасно тесном. Он теперь не помнил свое имя – и не только это, даже то, как здесь оказался, не осознавал. А потом темница вдруг исчезла, появился свет. Тусклый, желтый, очень слабый, но уже не чернота. Позже оказалось, что светили фары. У реки стоял автомобиль – странный, древний, походивший на карету. Алексей ощутил себя в теле человека – молодым, здоровым, сильным.

Разузнав подробности от Федора, Алексей отчасти охренел – дичь какая-то. Не ад, не рай, а непонятный мир, где правят маги. Да еще он в прошлом оказался, отлетев на век назад. Хорошо, что хоть в Россию, а мог и к папуасам угодить. Повезло, что Федор – токарь, а не крестьянин. Чем бы Алексей помог простому хлеборобу? Разве только, словом незлобивым. И услышал бы ответ... С Федором они ладили. Парень оказался умным и пытливым, но зато – с характером. Иногда, случалось, ссорились, но всегда мирились. А потом сроднились, став единым целым...

Прокрутив в себе воспоминания, Алексей воспарил над спящим другом. Федор спал, накрывшись одеялом, Алексей же в этом не нуждался – души никогда отдыхают. Это им не нужно, как еда и пища. Покрутившись над кроватью, Алексей проскользнул сквозь стену и прошелся по квартирам. Дрыхнут обитатели. Кто храпит, распылив рот, кто сопит себе в подушку. Алексей не понимал, как он это может видеть, равно как и слышать разговоры. Глаз с ушами души не имеют, только это не мешает. Интересно мир устроен...

Полетав по этажам, Алексей вернулся в комнату, где завис под потолком, погрузившись в размышления. Все идет по плану: Федор сделал автомат. Остаются небольшие доработки – это не проблема. Чем еще ему помочь? Надо бы подумать. Изобрести гранатомет? Разве что ручной, похожий на ружье. Автоматический не выйдет – не потянет местная промышленность. Ладно, марки стальной – с ними можно разобраться, но вот сделать металлическую ленту для патронов... С ней и в 41-м были ведь проблемы, что про 1912-й говорить? И в Военном министерстве не поймут: для чего оружие? Есть ведь миномет, сам же и внедрил. Хорошо, хоть это приняли. Автомат могут отклонить – непонятное для них оружие. Вот винтовка – это хорошо: далеко стреляет, и расход патронов небольшой. Ну, а на то, что дрын со штыком не годится в тесноте окопов, генералам наплевать. Как и в мире Алексея, они ждут маневренной войны. А придет позиционная – с блиндажами и траншеями. Будут рыть тоннели, чтобы заложить взрывчатку в укрепленный пункт противника...

За окном немного посветлело, наступало утро. Алексей оставил думы и скользнул за стену. Надо бы разведать обстановку – что там вокруг дома? Вдруг убийца где-то затаился? Можете смеяться, но опаска не помешает: Федор многим здесь дорогу перешел. Киллеров Алексей не обнаружил, но вот странных типов у подъезда разглядел. Тут же подлетел поближе. Типы наседали на швейцара.

– Когда Кошкин выйдет? – вопрошали незнакомцы, подступив к служителю. – Пропусти нас в коридор.

– То не мочно, господа хорошие, – отвечал швейцар, закрывая дверь спиной. – Почивают их высокоблагородие, и другие – тоже. Вас увидят – заругают, место потеряю.

– На, держи! – тип, стоявший ближе, протянул служителю монету.

– Благодарствую, – ответил тот и забрал полтину. – Только не пушу вас все равно. У подъезда, коль хотите, можете стоять, я за то не отвечаю. Кошкин скоро выйдет, им на службу надоть.

– Мы его в лицо не знаем, – сказал тип с треногой. «Вроде фотокамера, – подумал Алексей. – Репортеры, что ли? Очень даже может быть. Федор князем стал, вот и набежали папарацци всякие».

– Я вам знак подам, – сказал швейцар. – Сразу, как появится. Только сбросьтесь по полтине для моих детей, они кушать хочут.

Типы зашумели, но полезли в кошельки. Алексей отправился обратно и вернулся в тело Федора.

– Просыпайся, лежебока! – стал будить приятеля.

– Что случилось? – Федор приподнялся на кровати. – Ты с чего вдруг расшумелся?

– У нас, кажется, проблема, – не замедлил Друг. – Репортеры у подъезда молодого князя ожидают. И фотограф с ними есть. Будешь на вопросы отвечать или нах пошлешь?

– Можно бы послать, только не отстанут, – покривился Федор. – Вот ведь незадача! Что же делать?

– Есть тут, вроде, черный ход. Собирайся, Федя...

На заводе первым делом Федор навестил Куликова.

– Просьба есть, Николай Егорович, – обратился к офицеру. – Приютите на недельку?

– Что случилось, Федор? – удивился капитан. – Хозяйка от квартиры отказала?

– Репортеры набежали, у подъезда караулят. Побеседовать хотят. И фотограф с ними. Не хочу я этого бедлама, через черный ход сбежал. Но они узнают, будут там везде дежурить. А в гостиницу нельзя – мигом разузнают. Но про вас не догадаются.

– Удивляюсь я тебе, – засмеялся Куликов. – О такой славе многие мечтают, ты же затаился, словно тать. Я, конечно, приучу. Комнат у меня хватает, и Полина будет рада. Девочки в восторг придут – любят дядю Федора. Репортеры? Мы же сделаем вот так...

* * *

Высший свет Москвы находился в возбуждении. Князь Юсупов сообщил о званом вечере, на котором собирался предъявить наследника. Приглашения получили все, в том числе заклятые враги Юсупова. Почему последние, понятно – чтобы желчью изошли. Смерть единственного сына князя у многих вызвала воодушевление. Род Юсуповых угаснет – это открывает перспективы. Кто-то заполучит их влияние, кто-то – и наследство. А оно весьма богатое: земли и усадьбы, деньги и доходные дома. Богатейший род России. Сам Юсупов долго не протянет – он немолод, говорят, что нездоров, да еще смерть сына подкосила... Родственники потирали руки, но случился вдруг афронт. Это что ж такое? Обхитрил их князь, протащил себе наследника. И кого же выбрал? Неизвестную фигуру, да еще без родословной – некий офицер, выросший в приюте. Почему же царь пошел навстречу, соизволив утвердить прошение? Что-то здесь не так.

Частный сыск Москвы и Петербурга получил задания. Подключились репортеры многочисленных газет. Всем хотелось знать: кто он, молодой Юсупов? Что собою представляет и откуда взялся? Сыщики и репортеры рыли землю. Но чем больше узнавали, тем сильнее впадали в изумление. Биография наследника сплошь состояла из дыр. Если верить документам, то подкидыш из приюта – рядовой мастеровой, токарь на заводе. В армии стал унтер-офицером. Ничего особенного. Но затем внезапно переехал в Тулу, где прослыл изобретате-

лем. Для начала сделал револьвер, а потом – и пулемет. Отличился с ним в бою с германцами. Получил от государя орден с офицерским чином. После ссоры с князем Вяземским был вызван на дуэль, где убил гвардейца-Осененного, применив при этом редкий дар. Очевидцы утверждали, что Зеркальный щит. Как такое вообще возможно? Этот дар утерян навсегда – вымерли обладатели. Так откуда новый взялся?

Для начала сыщики опросили персонал приюта, но служащие развели руками: не припомнят мальчика – много их в опеке пребывало. В документах значится, а вот вспомнить невозможно – он не выделялся. Побежали на завод, где трудился будущий Юсупов, но и там провал. Был такой мастеровой, но куда-то вдруг уехал. Чем-то выделялся? Нет, ничем. Токарь был хороший, только и всего. У него редчайший дар? Что вы, господа! Нет, не замечали. Может быть, не он? Люди с даром не живут в казармах, за станками не стоят.

Сыщики покатали в Тулу, следом потянулись репортеры. Расспросили всех, кого сумели: сослуживцев Кошкина, прислугу дома, где он обитал. С той квартиры князь куда-то съехал. Где он проживает, разыскать не удалось – Кошкин словно сквозь землю провалился. Но на службе, говорили, появляется. Попытались у завода караулить, но ничего не получилось – с территории завода выезжали коляски с закрытым верхом. Репортеры сунулись было глянуть внутрь, но нарвались на охрану. Кое-кто в участок угодил – дескать, что за любопытство возле оружейного завода? Ты, милоч, случайно, не шпион? Счас жандармов позовем...

С фото тоже обломались – просто не нашли. Не снимался Кошкин в ателье. Их владельцы развели руками. Снимок продали бы, конечно – отчего же не заработать? Только вот увы. Внешность князя составляли со слов. Но и тут разногласия. Кто-то заявлял, что молодой Юсупов невысок и не хорош собой. Кто-то утверждал обратное: росту он нормального и собою мил – проявилась в облике порода. И вот как соединить? Все сходились лишь в том, что наследник молод. Поражали отзывы о князе. Говорили очень хорошо. Безупречно, мол, воспитан, вежливый, культурный, образованный. Говорит на иностранных языках. Никогда не чванится, прост в общении. Мальчик из приюта? Не смешите, господа! Непременно родовой, только чей бастард? Кто такого породил, где он неприметно возростал? Тайна, тайна и еще раз тайна.

Репортеры так и написали, породив сумятицу в умах. Частный сыск с заданием не справился, вызвав гнев заказчиков. Дескать, деньги заплатили, результат-то где? Это подогрело слухи. Свет стал обращаться к старикам – тем, кто хоть что-то помнил. Кто из родовых бастардов заводил? Их припомнили вагон – постарались графы и князья. И кого же выбрать? Голова кругом. Оставалось подождать званого вечера. Свет готовился к нему. Готовились и иные...

Поздним вечером в дверь квартиры в доме на Ордынке осторожно постучали. Но не просто так, а выбив хитрую мелодию. Изнутри к двери подошла молодая женщина ярко выраженной семитской наружности, лет этак двадцати пяти на вид.

- Кто? – спросила, сжимая револьвер.
- Телеграмма из Тамбова, – отозвались в коридоре. – Господину Тихомирову.
- Кто отправил?
- Родион Савельев.

Девушка открыла дверь. Внутри скользнул мужчина. Полноватый, некрасивый, но юркий и подвижный.

– Сторожишься, Роза? – улыбнулся, заметив револьвер. – Интересно, почему? Стук с паролем были правильными.

- Их могла узнать охранка.
- Неужели от меня? – усмехнулся посетитель.
- Может, от тебя, – пробурчала женщина, – может, от других. Их нельзя недооценивать. Сколько явочных квартир провалено!

– Мне обидно слышать это от тебя, – ответил посетитель. – Только возражать не стану: правду говоришь – многие товарищи в тюрьме. Дело наше пострадало, но рассвет не за горами. Я за этим, собственно, пришел. Акция намечена. Коля с Митей у тебя?

– Да, – сказала Роза, пряча револьвер в складках строгой юбки. – Проходи в гостиную.

Спустя несколько минут трое мужчин и женщина сидели за столом. Говорил гость.

– 6 октября князь Юсупов устраивает званый вечер, – начал сходу. – Соберется высшая знать Москвы, кое-кто – из Петербурга. Князь будет представлять родовым новоприобретенного наследника. Есть возможность уничтожить этих кровопийц.

– Это как? – спросила Роза. – Расстрелять их невозможно – все закроются щитами. Нас же уничтожат моментально – глазом не моргнем. Мы, конечно, смерти не боимся, но и просто так погибнуть совершенно не желаем. Было бы за что.

– Есть отличный план, – не замедлил гость. – Мы их подорвем – сразу во дворце. Щит от пули защитит, но от взрыва и обломков здания он бессилен.

– Нужно много динамита, – возразила Роза. – Где же столько взять? Мастерские все разгромлены, химики в тюрьме. Привезти из-за границы? Долго и опасно. Саквояж – другой еще доставить можно, только этого не хватит.

– Будет вам взрывчатка, – улыбнулся гость. – Много и совсем не динамит – тринитротолуол. Он куда мощнее и случайно не взорвется. Безопасно для бомбиста и смертельно для сатрапа.

– Где же взяли?

– Удалось в Германии купить. Провезли на пароходе, спрятав в трюме среди груза. Есть десяток ящиков – хватит, чтобы весь дворец разнести.

– Как же это сделать? Нас ведь не подпустят.

– Уберем охрану – тихо и без шума. Ну, и тех, кто попадется на пути. Нам щадить прислужников сатрапов не с руки. Вырежем кинжалами. Ящики поставим возле стен и запалим фитили. Шнур, взрыватели имеются. Сядем в экипажи и умчим. Дело будет сделано. Пусть все знают, что мы живы и ведем борьбу. Уничтожить разом столько Осенних – это вам не полицейского убить. Ну, так как, согласны?

– Да, – сказала Роза. Коля с Димой закивали.

– А теперь подробно...

Час спустя гость покинул явочную квартиру. Выйдя из подъезда, не спеша пошел по тротуару. У витрины магазина на минуту встал и проверил, есть ли «хвост». Слежки не было, но революционер не успокоился. Юркнув в арку, пересек внутренний двор. Оказавшись в переулке, закурил у лавки, наблюдая. Филер, если он имелся, из двора не выскочил. Значит, слежки нет. Революционер выбрался на улицу, где нашел извозчика. По пути к вокзалу улыбался. Все, похоже, получилось.

* * *

...Десять лет назад студента Гейдельбергского университета Фиму Соркина взяла в оборот германская полиция. Порезвился он в публичном доме. Ладно бы, только мебель поломал, но ведь проститутку искалечил – отказалась исполнять его желания, специфические, между прочим.

– Постараюсь сделать все, что смогу, – сообщил Фиме приглашенный адвокат. – Только будет трудно. Есть свидетельские показания, и они не в вашу пользу. Искалеченная вами фройляйн требует суда. Года три придется посидеть – это в лучшем случае. Но, возможно, нам удастся все замять. Вами тут интересовался очень важный человек. Вы не против побеседовать?

Фима тут же согласился. Навестивший его в камере важный человек был одет в костюм, но выправка выдавала в нем военного. Капитан разведки Главного штаба политесы разводить не стал, предложив работать на Германию. Фима тут же согласился, написав расписку. Герхард, так представился разведчик, посоветовал агенту завести знакомства в партии эсеров и пробиться ближе к руководству. Фима выполнил задание. Оказалось, это совсем не трудно. Он принадлежал к угнетаемой в России нации (о том, что дед крестился в православие, Фима скромно промолчал), а евреев в революции хватало. Помогли и деньги, выделенные Герхардом – их агент отнес товарищам по партии, объявив, что это для поддержки революции. Часть, конечно, прикарманил, но о том никто не догадался.

Год спустя пробился в Боевую группу партии эсеров. Быстро стал одним из руководителей. Было отчего. Разработанные Соркиным теракты проходили удивительно успешно. Высшие чиновники России находили смерть от бомбы или пули. Фима, разумеется, не говорил, что все акты спланированы в Германии. Занимались этим люди из разведки. Дипломаты доставляли в города России взрывчатку и оружие, их агенты изучали все подходы к цели, сообщая это Фиме. Он же доводил товарищам вместе с планом операции. Нет, осечки в покушениях случались, кто-то из эсеров погибал, но такое никого не удивляло – революция без крови невозможна. На место сгинувших товарищей приходила молодая смена.

Для чего кураторам нужно убивать чиновников, Фима понимал. Выбирали самых лучших – умных и решительных. Например, Столыпина, наводившего в стране порядок после бунтов. Не нужна Германии успешная Россия, лучше пусть погрязнет в хаосе. Воевать с такою будет легче. Фиму это не тревожило: он не считал себя обязанным России – впрочем, как и Германии. Родина у человека там, где его сокровища. Все полученные от германцев деньги он держал в английских банках, там же прикупал недвижимость. Завершит последнюю операцию – и уедет в Лондон, будет жить как джентльмен. И никто не потревожит: британцам наплевать, где ты деньги раздобыл. Главное, чтоб были.

За теракт во дворце Юсупова немцы сразу ухватились – его Фима предложил. Ну, так ясно, почему. Магов немцы опасались. Их считали грозной силой, несмотря на пушки и снаряды, пулеметы и винтовки. Трое сильных Осененных остановят полк, а десяток – и дивизию. Огненные шары и картечь из льда вызывают панику в войсках, а в России Осененных больше, чем во всей Европе. Уничтожить сразу многих, да еще одним ударом – это просто замечательно. Заодно спихнуть теракт на революционеров, чтоб никто не обвинил. Соркин – голова!

Денег немцы не жалели, щедро наделив агента. Привезли взрывчатку и взрыватели. Маркировка там немецкая, только это не беда – взрывом уничтожит. Предлагалось подкупить прислугу князя и доставить ящики в подвал под зданием. Фима этот план отверг. Если не будет следов, то жандармы возбудятся, проведут допросы, выйдут на немецкий след. Пусть эсеры рвутся напролом, убивая всех подряд. Это в стиле боевых ячеек. А эсеров, если кто-то уцелеет, он охранке сдаст. Их осудят и повесят – вот и нет проблемы.

Немцы согласились, для порядка поворчав. Ну, а если не получится – группу остановят на подходе? План сорвется. Фима опасения развеял: он найдет умелых – тех, кто оружием владеет и смерти не боится. У дворца ведь будет суета, экипажи и автомобили. Элегантно одетая женщина со спутниками внимания не привлечет. Если кто из слуг что-то заподозрит, то мгновенно и умрет. Ну, дальше дело нескольких минут. Ящики под стены, зажечь шнуры, и ходу! Такой наглости никто не ожидает.

За свои услуги Фима запросил приличный гонорар – полмиллиона марок. Объяснил, что после акции ему нужно будет скрыться, да еще надолго. Лечь на дно в какой-нибудь стране – может быть, за океаном. Пребывать в Германии нельзя – может обнаружить царская охранка. Потому извольте денежки вперед. Немцы покривились, но заплатили – результат того стоил. Деньги Фима перевел на свой счет в швейцарском банке, там же обменял их на фунты стер-

лингов. Вышло около 25 тысяч – огромная сумма. Разместить их под процент и жить безбедно. Управляющий Банком Англии получает 400 фунтов в год, у Соркина выйдет больше.

Имелось в плане и слабое место – участие в акте самого Фимы. Без него группа на дело не пойдет – заподозрит неладное. Придется ему изображать кучера. Посидит на облучке, пока группа будет действовать. Ну, а там по обстоятельствам. Можно и уехать, когда загорятся огнепроводные шнуры. Боевики пусть сами выбирают, спасать их он не собирался – отработанный материал. А затем – вокзал и поезд на Варшаву... Там он пересядет на экспресс до Вены. Паспорт у него немецкий, подозрения не вызовет.

На вокзале Соркин подождет поезда и, влившись в поток прибывших пассажиров, выйдет на площадь. Подозвал извозчика и назвал ему адрес. Пара лошадей резво повлекла коляску. К дому, где снимал квартиру, Фима подъезжать не будет – выйдет за квартал. Слежки нет, но нужно остережиться. Ящики с взрывчаткой заберут боевики – он оставил Розе нужный адрес. Частный дом, престарелая хозяйка... Фима ей представился купцом, попросив недолго подержать товар в сарае. Заберут приказчики, явятся с запиской. Бабка согласилась, получив в награду трешку. Мелкая услуга за такой доход.

Соркин улыбнулся и потер довольно руки. Все идет по плану...

Глава 3

Во второй половине воскресенья, 6 октября в Большом Харитоньевском переулке Москвы было необычайно оживленно. Роскошные кареты и входившие в моду авто друг за другом тянулись ко дворцу Юсуповых. Прокатив под аркой с закрепленным над ней гербом, заезжали в ворота и замирали у высокого крыльца. Подскакившие лакеи распахивали дверцы, помогая выбраться наружу знатым господам и дамам. Те неспешно подымались по ступенькам, заходили внутрь, направляясь к лестнице, ведущей на второй этаж, где гостей встречал лев на задних лапах с разинутой пастью. В лапах он держал щит с гербом рода Юсуповых. Миновав скульптуру, гости подымались в комнату, предвещающую Крестовый зал. Пройдя мимо медвежьих чучел, направлялись к бронзовым дверям. Там, у входа в зал, и встречал их старый князь. Поздоровавшись с мужчинами и отвесив комплимент их спутницам, благодарил гостей, что нашли время посетить его во дворце. Улыбаясь, предлагал чувствовать себя как дома. Родственники различали в заключительных словах князя ядовитую иронию. Виду не подав, отвечали нужными словами, проходили в зал. Там отводили спутниц к стульям у стены, где уже сидели их подруги, настоящие и мнимые, а потом направлялись к кучковавшимся знакомым и друзьям – поболтать о том о сем, ну, и обменяться впечатлениями. Тем же занимались дамы, только больше говорили о нарядах и последних модах. О наследнике Юсупова не вспоминали, потому как не видали. Вот появится – поговорим. Будет время обсудить, перемыв все косточки. Дамы с дочками-невестами наставляли их, тихим шепотом вливая в розовые ушки поучения.

Кареты и авто, доставив пассажиров, выезжали со двора и выстраивались в линию вдоль высокого забора в переулке. Придворцовая территория невелика, много экипажей не поместится. Кучера с шоферами собирались кучками и мололи языками. Ждать придется долго. Господа натешатся, выбежит лакей, сообщит: кому на облучок, а кому и за баранку. Дело-то привычное.

Федор наблюдал за этой суетой из окна второго этажа. Чувствовал себя при этом как преступник в ожидании суда. Эти господа во фраках и цилиндрах, дамы в вычурных шляпках и роскошных платьях прикатили, чтобы посмотреть на выскочку, волей обстоятельств занесенного в их среду. Он не станет здесь своим, да и сам желания такого не имеет. Все эти условности, прихотливые манеры и неписанные правила... На фига такое счастье? В Туле просто и комфортно, там друзья и любимое дело. Тут же, как глянешь, прямо зверинец... Правда, Друг?

– Да скорей террариум, – отозвалось в голове. – Микс из змей и скорпионов. Угодили мы в кубло. Ладно, не грусти, дружище. Поторгнем тут чуток лицом, улыбнемся и помашем на прощание. Всем адью и досвидос.

– А невеста? Князь же уши прожужжал. Дескать, присмотрись, кого намечу.

– Лесом пусть идут вместе с князем во главе. Мы насчет невест не соглашались.

Федор тяжело вздохнул и оставил место у окна. Подошел к большому зеркалу. Там отражался стройный офицер в мундире Осененных. Черное, добротное сукно, желтый кант по воротнику и такие же выпушки по краям карманов и бортов. Нацепить гвардейский мундир приказал Юсупов.

– Ваш парадный не годится, – огорошил сходу. – Князю не к лицу считаться инженером. Вы ведь Осененный.

– В гвардии не состою, – трепыхнулся Федор.

– Но туда приписаны в запас. Право на мундир имеете.

– Так за сутки не построить. Завтра – представление гостям. Я портных в Москве не знаю.

– Поручите это мне, – улыбнулся старый князь.

Через час во дворец доставили сразу пятерых портных. Федор был обмерен, взвешен и осмотрен. Через час мундир сметали на живую нитку, провели примерки, уточнили цвет

тесьмы и выпушек. Через два мундир надели, что-то там подправили, и, отгладив утюгом, облачили молодого князя. Старый, оценив работу, расплатился. Сапоги менять не стали – их-то быстро не стачаешь, да и спешить не стоит – Федор прибыл в новых.

– Блин, эсэсовец какой-то! – оценил картинку Друг. – Не хватает только рун в петлицах. Хорошо, что орден на груди российский. Белый крест на черном очень мило смотрится.

– Душу не трави! – ответил Федор. – Без тебя тоскливо.

– Ну, сейчас развеселишься, – не замедлил Друг. – Гости собрались, князь послал лакея за тобой.

– Как это видишь? – удивился Федор.

– Как два пальца об асфальт, – хмыкнул Друг. – Вмиг слетал и посмотрел. Только и делов.

– Удивляешь ты меня... – начал было Федор, только фразу не закончил – в дверь тихонько постучали.

– Заходите! – отозвался Кошкин.

– Их сиятельство велели передать, что они ожидают вас в Крестовом зале, – сообщил скользнувший в комнату лакей.

Коротко кивнув, Федор заспешил за ним. Возле входа в зал лакей шагнул вбок и поклонился. Федор миновал его и вошел в распахнутую дверь. Гомон, наполнявший зал, постепенно стал стихать. Подойдя к приемному отцу, Федор встал рядом.

– Господа! – громко объявил Юсупов. – Разрешите вам представить моего наследника. Князь Юсупов-Кошкин, капитан запаса гвардии, кавалер ордена Георгия. Осененный, получивший дар Зеркального щита. Он такой единственный в России, и полагаю, что и в мире тоже. Попрошу любить и жаловать.

Федор поклонился, щелкнув каблуками.

– А сейчас мы с сыном познакомимся с вами поближе, – сообщил Юсупов. – Следуйте за мною, князь, – попросил он Федора.

Старый князь и молодой направились к гостям и пошли вдоль ряда приглашенных.

– Князь Андрей Григорьевич Гагарин, – сообщил Юсупов, – и его супруга Мария Дмитриевна. Дочь София Андреевна. Граф Бобринский Алексей Григорьевич и его супруга Анна Владимировна...

Федор пожимал протянутые руки графов и князей, и, склонившись, делал вид, что целовал ручки дам замужних. Незамужним вежливо кивал. Имена гостей сыпались потоком, только он не запоминал – была бы нужда. «Счастлив познакомиться, – говорил мужчинам. – Вы обворожительны, мадам», – улыбался дамам.

– Князь Николай Семенович Оболенский, – сообщил Юсупов наследнику, подведя его к невысокому седому старику. – И его супруга Мария Алексеевна.

– Счастлив познакомиться, – Федор пожал руку князя. Поклонившись, чмокнул над перчаткой моложавой женщины. – Я могу спросить вас, Николай Семенович?

– Слушаю, – ответил князь.

– Оболенская Варвара Николаевна, часом, вам не дочь?

– Да, – ответил удивленный князь. – Вы с нею знакомы?

– Близкие друзья, – ответил Федор. – Многим ей обязан. Мне Варвара Николаевна помогла раскрыть мой редкий дар, наставляла и советовала. Принята мною на службу.

– В качестве кого? – упредила Оболенского супруга.

– Управляющей хозяйством.

– Но, позвольте! – возмутился Оболенский. – Это должность для мужчины.

– Не согласен с вами, князь, – Федор улыбнулся. – Женщины все больше занимают место в нашем обществе. Умолчу о медицине и учительстве – это уже никого не удивляет. Но ведь нам известны имена владелиц состояний, которые неплохо с ними управляют. Полагаю, что Варвара тоже сможет.

– Я бы хотела посмотреть, – поспешила Оболенская.

– Я бы – тоже, – поддержал супруг.

– Передам Варваре Николаевне, – Федор поклонился. – Приказать ей не могу – то дела семейные. Между вами, как я знаю, была некая размолвка. Так что пусть сама решает.

Повернувшись, он с Юсуповым двинул к следующей паре.

– Как он ловко Оболенского умыл! – тихо хохотнул Гагарин. – Тот ведь выгнал дочку из семьи – волю его исполнять не захотела. Думал, что поголодает и вернется. Только вот теперь – шалишь! Молодой Юсупов дочку подобрал.

– О своей подумай! – буркнула жена. – Если Оболенская – подруга князя, кто на Софье женится?

– Старый князь Юсупов не позволит породниться с Оболенскими, – хмыкнул ей в ответ супруг. – С ними он не дружит. Да и дочь их больше не княжна, а вот Софья наша является таковой. Не к лицу Юсупову жениться на безродной.

– Он же не природный князь, – покачала головой супруга. – Я слыхала, что подкидыш из приюта. Где и как воспитан, непонятно. Говорят, что на заводе сам порою за станком стоит. От такого чего угодно можно ожидать.

– Государь наш, Петр Алексеевич, тоже работы не чурался, – муж пожал плечами. – За станком стоял, топором рубил на верфи, в кузне молотом стучал. Хочет князь Юсупов этим заниматься – на то его воля. Впрочем, я настаивать не буду. Если вам не нравится... А что нам скажет дочка?

Софья покраснела.

– Приглянулся хоть немного? – улыбнулся ей отец.

– Да, – сказала Софья. – Не скажу, что он красавец. Но мужчина настоящий – это сразу видно.

– И не возражишь, – согласился с ней отец. – Храбрец редкостный – чтобы получить Георгия в мирное время, нужно сильно постараться. Да еще изобретатель – первым на Руси пулемет придумал, да какой!..

– А тебе лишь бы железяки! – хмыкнула жена. – Ты со старым князем говорил?

– Ну конечно, дорогая! За столом мы будем рядом. Софья – подле князя молодого. Там, глядишь, и сговорятся. Ты не против, чадо?

Дочка снова покраснела...

Надоевшее Федору представление гостей наконец-то завершилось.

– А сейчас, господа... – объявил Юсупов, но закончить не успел.

– Извините, князь, – прошептал ему наследник. – Мне нужно отлучиться. Это ненадолго. Повернувшись, скорым шагом выбежал из зала.

– Поспеш! – звучало в голове. – Там до детонаторов дошло...

* * *

Молодой человек в пальто и котелке показался из Большого Харитоньевского переуллка и свернул за угол. Там он подошел к стоявшей у забора карете, запряженной парой. Оглядевшись, распахнул дверцу и запрыгнул внутрь. До сих пор сидевший неподвижно кучер покинул облучок и последовал за ним. В экипаже сразу стало тесновато: четверо людей, да еще с десятков ящиков.

– Как там, Николай? – поинтересовался «кучер».

– Все спокойно, товарищ Константин, – отозвался наблюдатель. – Гости все собрались во дворце, экипажи и автомобили встали в переуллке. Шоферы и кучера разбились на компании, языками чешут. Ворота во дворцовый двор не заперты. Возле них – по одному привратнику с каждой стороны. Слуг других не наблюдается. Можно начинать.

– Что же, приступим, – помолчав, сказал «товарищ Константин». – Николай и Митя разбираются с привратниками, Роза отвлекает слуг, если вдруг появятся. Разобравшись с ними, переносим ящики с взрывчаткой. Я вот тут чего подумал? Стены у дворца довольно толстые, могут устоять от взрыва. Нужно внутрь занести и сложить у лестницы.

– У дверей – швейцар, – заметил Николай.

– У тебя имеется кинжал, – ответил «Константин». – Пустишь его в дело. Прислужникам угнетателей народа пощады нет.

– Понял, – отозвался Николай.

– Как занесете взрывчатку, вставьте детонатор, – продолжил «Константин», – так, как я вам показал. Запалите шнур – и бегом к карете, я стегаю лошадей. Дальше все, как обсудили. Разбежимся у вокзала. Вопросы есть?

– Нет вопросов, все понятно, – пробурчала Роза.

– Ну, тогда за дело, – улыбнулся «Константин». – Этот день войдет в историю. Смерть тиранам и сатрапам!

...Одинокая карета, показавшись в переулке, покатила по булыжной мостовой. У дворца Юсупова кучер потянул вожжу и свернул под арку. К экипажу бросились привратники в ливреях.

– Кто такие? – закричал кучеру один из них.

– Княгиня Абашидзе прибыла на званый вечер, – ответил «Константин».

– Опоздали, – хмыкнул пожилой привратник. – Гости собрались давно.

– Заплутали в переулках, – отозвался «Константин». – В первый раз в Москве.

– Приглашение имеете?

– Счас покажем, – кучер обернулся. – Дмитрий, Николай!

С двух сторон кареты распахнулись дверцы. Выскочив наружу, два боевика выхватили кинжалы. Коротко сверкнула сталь. Тихо вскрикнув, опустились на мостовую привратники. Подхватив тела подмышки, Митя с Николаем оттащили их к забору. Кучер, шлепнув лошадей вожжами, подогнал карету к крыльцу. Роза, выбравшись наружу, встала у ступенек. Подбежали Дмитрий с Николаем.

– А теперь – швейцар, – сказала Роза.

Два боевика устремились по ступенькам. Распахнули дверь во дворец и проникли внутрь. Не прошло минуты, как явились снова и приблизились к карете.

– Как там? – коротко спросила Роза.

– Был швейцар и кончился, – ответил Николай. – Нам никто не помешает.

– Заносите адскую машину! – приказала Роза.

Вытащив из экипажа ближний ящик, боевики подхватили его за веревочные петли и побежали по ступенькам. Воротились спустя несколько секунд, взяли за второй. Роза наблюдала за двором, опустив к подолу руку с револьвером. Фима, он же «Константин», бросив взгляд на революционерку, опустил вожжи на колени. Фанатичка чертова! Если Фима тронется сейчас, то поймает пулю. Роза не простит.

Год назад казнили ее мужа – угодил в охранку. Группу выдал провокатор – это позже подтвердилось. Алексей, так звали мужа, собирался уничтожить губернатора Одессы. Приготовил динамит, обучил метателей. Сам же собирался пустить в дело пистолет, если с бомбами не выйдет. Всех троих арестовали перед покушением – взяли тихо и без шума. Бомбы обнаружили в квартире – тяжкая улика. На допросах Алексей с товарищами молчали. Все равно не помогло – информация у полиции имелась. Суд недолго разбирался, скорый приговор – всех троих повесили. Роза после смерти мужа сильно изменилась, стала подозрительной, безжалостной. Провоцировать ее отъездом – верный путь расстаться с жизнью.

Николай и Дмитрий затащили ящики во дворец. Фима подобрал и намотал на руки вожжи. Вставить детонаторы и поджечь шнуры – дело нескольких мгновений. А потом бежать,

бежать... Но минута пролетела, следом – и другая, боевики не появлялись. Фима встал над облучком: почему же медлят? Спички, что ли, отсырели? Ну так, вроде, проверяли...

Дверь во дворец внезапно распахнулась. Только вместо боевиков появился незнакомый офицер в мундире Осененных.

– Всем стоять, не двигаться! – закричал он с порога. – В капусту покрошу!

Первой среагировала Роза. Вскинув револьвер, начала стрелять. Перед Осененным вдруг возник Зеркальный щит. Роза, громко вскрикнув, осела у крыльца.

– Но! – воскликнул Фима и стегнул коней вожжами. Неизвестно, что случилось во дворце, но одно понятно – нужно убегать. Если вдруг поймают, то он мужу Розы позавидует. Родовые террористов отдавать полиции не станут – сами и казнят. И не просто так повесят, а мучительно сожгут. Есть такое право у князей и графов...

До ворот он не доехал. По затылку вдруг как молотом ударило. Фима потерял сознание и упал вперед с облучка. Руки натянули вожжи, и карета встала...

* * *

Выбежав из зала, Федор миновал прихожую и чучела. Террористов он увидел, выскочив на лестницу. Повернувшись к ней спиной, две фигуры в котелках хлопотали возле штабеля из ящиков. Федора они не услышали: топот сапог заглушила ковровая дорожка на ступеньках. Медлить офицер не стал – подбежав, двинул кулаком по уху ближнего к нему боевика. Отлетев к стене, тот врезался в нее спиной и стек на пол. Там же и застыл – похоже, что надолго. Второй выхватил кинжал и метнулся к Федору, но наткнулся на зеркальный щит. Руку с зажатым клинком отбросило обратно. Повторно ударить Федор не позволил. Врезал сапогом в промежность, а когда враг согнулся, выронив оружие, добавил по затылку кулаком. Террорист осел кулем. Согнувшись над застывшим телом, Федор выдернул из брюк поверженного ремень и связал им руки террориста за спиной. Затем проделал эту же процедуру со вторым.

– Снаружи еще двое, – раздалось в голове. – Дама с револьвером и кучер на карете. Но сначала детонаторы достань. Только аккуратно, а не то взлетим на воздух.

Федор подошел к ящикам. Следуя подсказкам Друга, вытащил из верхнего две шашки с детонаторами. Затем извлек трубочки со шнурами. Шашки положил обратно. Обогнув скульптуру льва, примостил за постаментом детонаторы, разместив их на приличном расстоянии друг от друга.

– Теперь если и сработают, то вреда не будет, – одобрил Друг.

– А взрывчатка в ящиках?

– Там тринитротолуол – он немецкий, к слову. Молотком лупи – не сдетонирует. Ну, теперь повяжем остальных? А то я что-то заскучал.

– Подожди, – ответил Федор и склонился над швейцаром – тот лежал у двери, устремивши взгляд в потолок. Убит...

– Еще два трупа под забором во дворе, – поведал Друг. – Закололи, как свиней. А ведь можно было оглушить.

– Всех порву! – со злостью рыкнул Федор и метнулся к двери. Только по пути остыл: банду лучше повязать. Непростой затеяли теракт, пусть жандармы разберутся...

С захватом не заладилось – боевики не испугались. Дама начала стрелять – ну, и нарвалась. Пуля, отразившись от щита, угодила ей в плечо. Вскрикнув, дама уронила револьвер и осела у крыльца. Террорист на облучке кареты крикнул «Но!» и погнал экипаж к воротам. Револьвера Федор не имел – кто же берет его на представление, а подбирать тот, что дама уронила, не имелось времени. Пока схватит и прицелится, террорист с каретой ускользнет. И тогда Федор применил свой дар. Подхватив лежавший револьвер, запулил им, словно камнем, в террориста. Повезло – не промахнулся. Террорист свалился с облучка, и экипаж остановился.

– Вяжите его! – крикнул Федор появившимся во дворе водителям и кучерам, которых привлек звук выстрела. – Это террорист. Собирались подорвать дворец вместе с гостями. Вы бы тоже пострадали. Гляньте – вон привратники лежат. Это террористы их зарезали.

– Ах ты, сволочь! – пышноусый мужчина в кожаной куртке и в такой же кепке схватил за шкирку оглушенного. – Счас тебе!

– Охолонь! – прикрикнул Федор. – Не бить, связать покрепче. Пусть полиции расскажет, кто велел им подорвать дворец.

Пышноусый неохотно подчинился. Вместе с подбежавшими приятелями стал вязать оглушенному руки за спиной, для чего, недолго думая, отхватил ножом кусок вожжей. Федор подошел к стрелявшей в него даме. Та уже пришла в себя и сидела, зажимая кровоточащее плечо.

– Кто такая? – наклонился над ней Федор. – Кто велел вам подорвать дворец? Отвечай!

– Сатрап! – зло ответила дама. – Все равно вас всех убьем!

Она попыталась в него плюнуть, но не получилось – не нашлось во рту слюны.

– Что тут происходит?

Федор обернулся – за его спиной с недовольным видом возвышался старый князь.

– Вот, напали на дворец, – сообщил наследник. – Пытались нас всех взорвать. Там, за дверью, ящики с взрывчаткой. Детонаторы я снял. Тола очень много, разнесли бы весь дворец в пыль.

– Как узнал? – поднял бровь Юсупов.

– Друг предупредил. Он умеет вылетать из тела и обследовать окрестности. Стены – не преграда для него.

– Интересно, – произнес Юсупов и ткнул пальцем в даму. – Эта вот из них?

– Да, – ответил Федор. – Была с револьвером и стреляла из него в меня. Ранена своей же пулей, отскочившей от щита.

– Жаль, не видел, – покачал головой Юсупов. – Отойди в сторонку.

Федор подчинился. Князь взмахнул рукой. Толстая, тяжелая сосулька сорвалась с его ладони и пронзила тело женщины. Та упала на булыжники и, засучив ногами, затихла.

– Спи, котенок, спи, муренок, сладко спи, – промурлыкал в голове Друг.

– Алексей Сергеевич! – возмутился Федор. – Как вы можете?

– Сопли подбери! – отозвался Друг. – Эта тварь в нас стреляла. Ладно бы, только в нас. Они слуг зарезали и дворец пытались подорвать. Сколько женщин там? Да никто б не уцелел. Ненавижу террористов! Отморозки конченные. Сам бы их давил!

Федор тяжело вздохнул и глянул на Юсупова. Тот понял этот взгляд по-своему.

– Они напали на моих гостей, – сказал сердито. – Убивали моих слуг. Лично всех казню! Эта первая, с остальными позже разберемся. Волоките вон того в сарай! – бросил охреневшим у ворот мужчинам. – Эту тоже приберите.

– В доме еще двое, – напомнил Федор.

– Этих слуги сволокут.

– Ящики с взрывчаткой нужно отнести подальше. Так-то безопасны – это тринитротолуол, только оставлять их в доме...

– Я распоряжусь, – ответил старый князь. – А теперь идем к гостям. Ничего не говори, а то вечер им испортим – и себе, конечно. Пусть узнают позже.

– Понял...

Через несколько минут оба князя показались в зале. Гости встретили их удивленными взглядами.

– Извините, господа! – обратился к ним Юсупов. – Мой наследник пожелал удивить вас необычным блюдом. Рассказал о нем нашим поварам. Опасаясь, что не справятся, выбежал

проверить. Там увлекся, наблюдая. Мне пришлось его вернуть. Вот такой кунштюк. Вы, надеюсь, не успели заскучать?

Гости засмеялись.

– А теперь прошу к столу! – объявил Юсупов и возглавил шествие к Трапезной. Там у входа их встретили лакеи и захопотали, разводя по назначенным местам. Рядом с Федором усадили юную Гагарину. Лакеи разнесли блюда и разлили напитки по бокалам.

– За здоровье государя! – огласил тост Юсупов, поднимая свой бокал. – Пусть продлятся его дни!

Засверкал в лучах дневного света дорогой хрусталь, застучали по фарфору серебряные приборы – началось застолье. Федор машинально пил и ел, словно выпав из реальности. Схватка с террористами все мелькала пред глазами. Это не понравилось Гагариной.

– Что случилось с вами, князь? – спросила барышня. – Почему вы так задумчивы?

– Не сердитесь на меня, княжна, – повинился Федор. – Просто мне неловко. Я впервые на таком собрании. Столько замечательных персон! Я ведь рос в приюте.

– Не могу поверить, – покачала головой Гагарина. – Родовой с редчайшим даром... Как такого можно сдать в приют?

– Тем не менее, отдали, – возразил ей Федор. – Я не знаю, кто мои родители, почему они отдали меня в приют. Дальше, как у всех таких детей: школа, обучение профессии. Токарь на заводе, призван отбывать повинность в армии. Стал там унтер-офицером. А потом опять трудился на заводе, где и обнаружил у себя талант изобретателя. Перебрался в Тулу, подвизался оружейником. Сдал экстерном за реальное училище. Остальное, наверное, вам известно.

– Странно это, – не поверила Гагарина. – Ну, а как же дар?

– Он появился внезапно. Поначалу нетяжелые предметы поднимал – вроде как кинетик, но довольно слабый. А потом поехал на границу, где случился бой с германцами. Мне там довелось схлестнуться с немецким магом. Застрелил его и знак с мундира снял. В этот миг меня словно молнией ударило. Как мне попозже пояснили, силу его я забрал. Что-то изменилось у меня внутри, так вот и щит Зеркальный появился. Его мне помогли освоить, заодно и дар кинетика усилился: я могу теперь тяжелые предметы поднимать.

– Вы меня обманываете! – хмыкнула княжна. – Это невозможно. Меня поднимете?

Федор улыбнулся и напрягся. Стул с Гагариной качнулся и поднялся над столом. Стали видны башмачки, не прикрытые подолом платья. Разговоры за столом мгновенно стихли. Гости, выпучив глаза, смотрели на такое чудо.

– Князь! – воскликнула Гагарина. – Воротите меня на пол!

– Как прикажете, – ответил Федор и осторожно поставил стул с княжной обратно.

– Это что такое, князь?! – загремел Юсупов. – Что вы себе позволяете?

– Извините, господа! – Федор встал и поклонился. – У меня случился спор с княжной. Не поверила, что я кинетик. Вот продемонстрировал, – он развел руками. – Каюсь, больше не случится.

– Не ругайте его, мой друг, – тронул за плечо Юсупова Гагарин. – Молодые люди любят почудить. Сами же такими были. Вы согласны, господа? – обратился он к гостям.

За столами засмеялись и захопотали в ладоши. Разговоры заметно оживились. Все принялись обсуждать увиденное.

– Я сердита на вас, князь, – сообщила Федору княжна. – Вы меня фразировали.

– Ils ne nous ont pas appris les manières, – сказал он по-французски. – J'ai grandi dans un orphelinat. Désolé parvenu, princesse. Il dit qu'il pense. Eh bien, cela fonctionne de la même manière.

Гагарина поджала губки. До конца застолья они больше не беседовали. Лакеи подали десерт. Кто-то приналег на сладости, кто-то встал, чтобы покурить. Федор к ним присоединился, но в курительную не попал. Подскочил лакей и сообщил:

– Извините, ваше сиятельство. Там градоначальник прибыл. Хочет с вами побеседовать. Их сиятельство с ними в кабинете. Приказали привести и вас.

– Что ж, води! – пожал плечами Федор.

В кабинете, кроме старшего Юсупова, оказался незнакомый генерал при эполетах. Он сидел в кресле у стола. При появлении Федора встал и поклонился.

– Здравия желаю вашему сиятельству. Я московский градоначальник Константинов.

– Здравствуйтесь, – ответил Федор. – Князь Юсупов-Кошкин.

– Первым делом приношу вам извинения за сегодняшнее происшествие. Виноват, не досмотрели. Обещаю, разберемся и накажем всех причастных.

– Принимаю ваши извинения, – кивнул Федор. – Разберитесь непременно. Как я понял, это дело рук революционеров. Но откуда они взяли новейшие детонаторы и тринитротолуол? Да еще германской выделки?

– Тол мы видели, – удивился Константинов. – Где же детонаторы?

– За скульптурой льва, на постаменте. Я их там сложил от греха подальше. Вмиг найдете.

– Непременно, – ответил Константинов. – Мы можем террористов увезти? Ваш отец сказал: на ваше усмотрение. Это вы их взяли. В вашем доме и по праву родового можете казнить.

– Забирайте! – хмыкнул Федор. – Сами их повесьте. Только прежде допросите хорошенько.

– Что ж, благодарю, – ответил генерал. – С вашего разрешения, откланяюсь.

– А теперь присядь, – сказал Юсупов, когда дверь за Константиновым закрылась. – Я хочу поговорить.

Федор подчинился.

– Хорошо, что согласился, – начал старый князь. – Поначалу сам хотел казнить, но после передумал. Надо разобраться, кто послал. Странная история.

– Я такого же мнения, – ответил Федор. – Не похоже на революционеров. Те бросают бомбы с динамитом – ну, там нож или пистолет. И давно про них не было слышно. Здесь же ящики с взрывчаткой, да к тому же иностранной. Действовали дерзко, продуманно. Все могло бы получиться, если бы не моя душа. Кто-то очень захотел уничтожить сразу много Осененных. Полагаю, иностранцы постарались, думаю – германцы.

– Хм! – Юсупов глянул в потолок. – Я, пожалуй, соглашусь. Нужно написать государю. Если те решили Осененных убивать, это означает, что войну готовят.

– Напишите, – согласился Федор.

– А теперь о вас, – продолжил старый князь. – Вы сегодня нас спасли, потому награда не замедлит. Что хотите получить: деньги, промыслы, поместье?

– Деньгами будет лучше.

– Если собираетесь куда-то их вложить, я сведу вас с управляющим. Он давно мне служит, заодно и вам поможет.

– Извините, обойдусь.

– Что ж, настаивать не буду, – сказал Юсупов. – А теперь об ином. Как вам юная Гагарина?

– Да никак, – пожал плечами Федор. – Барышня как барышня.

– Вы ее сегодня огорчили.

– Недостаток воспитания. Рос в приюте.

– Прекратите! Речь не о выходке со стулом. Это было лишь забавно. Вы не уделили ей должного внимания, а ведь я просил. Софья – подходящая для вас невеста. Молода, здорова, обладает даром. И отец ее не возражает – мы давно дружны.

– Вот что, милостивый государь! – Федор встал с дивана. – Я отлично помню разговор в машине. Вы тогда сказали, что моей обязанностью будет появляться в свете – только и всего. О женитьбе речь не заходила.

- Став моим наследником, вы должны мне подчиняться!
- Никому я ничего не должен. Будете настаивать – сам выйду из рода. Мне плевать на титул и наследство. Я прекрасно жил без них, обойдусь и впредь. Честь имею!
- Федор повернулся к двери.
- Погодите... – проскрипел Юсупов. – Сядьте и послушайте.
- Кошкин подчинился. Старый князь нахмурил брови.
- У вас есть невеста? Женщина, которой вы обязаны?
- Нет, – ответил Федор.
- Ну, а эта... Оболенская?
- С нею мы просто друзья.
- Я не верю в дружбу с барышней на выданье. Вы-то, может, так считаете, а она – иначе. С Оболенскими я знаться не желаю. Если с нею обвенчааетесь, объявлю брак недействительным – есть такое право у главы рода. Это вам понятно?
- Да, – ответил Федор.
- Хорошо, что понимаете. А теперь продолжим. Мой наследник должен быть семейным человеком и иметь детей. Это непременно. Вам не нравится Гагарина? Мы найдем другую. Есть в Москве достойные для вас партии, и в Петербурге их хватает. Выйти замуж за Юсупова – честь для многих родовых. Не хотите соглашаться с выбором моим – поищите сами, только, как найдете, не давайте обещаний, а прежде посоветуйтесь со мной. Вместе и подумаем.
- Да когда мне их искать? – хмыкнул Федор. – Я ведь занят на заводе.
- Отвлечитесь от трудов, посещайте балы и приемы. Вам теперь все пути открыты. Да, такая жизнь стоит денег, но о них не беспокойтесь – я даю вам содержание. Для начала – десять тысяч в месяц. Будет мало – сообщите, я прибавлю. Мы договорились?
- Да, – ответил Федор, чуть подумав. – Только я не обещаю, что найду невесту через месяц или два.
- Я не тороплю, – сказал Юсупов. – И еще такое пожелание. Если останетесь в Туле, заведите дом с прислугой. Не позорьте род Юсуповых комнатенкой в доходном доме. Деньги на покупку и расходы вам дадут. Мой наследник обязан жить достойно. Возражений не приму!
- Хорошо, – ответил Федор.
- А теперь идем к гостям...

* * *

- В тот же вечер князь Гагарин говорил с супругой.
- Ты слыхала, дорогая? – начал, заглянув к ней в спальню. – Нас ведь собирались у Юсуповых убить. Всех – хозяев и гостей.
- Что ты говоришь? – заохала супруга. – Это как же так?
- Да нашлись революционеры – закололи слуг Юсупова, затащили адскую машину в дом. Собирались всех взорвать. Знаешь, кто им помешал? Молодой Юсупов! Помнишь, выбежал из зала? Мы с тобою очень удивились. Старый князь попозже объяснился: дескать, наследник был на кухне. Я, конечно, не поверил и подумал, что живот у гвардейца прихватило. Позже оказалось, что наследник этих вот бомбистов как-то вдруг почуял. Сам же их и повязал. Очень сильный дар у молодого князя. Есть Зеркальный щит, кинетик, да еще опасность через стены прозревает. Любопытно.
- Это правда?
- Мне шофер об этом рассказал. Я телефонировал градоначальнику, Константинов это подтвердил. Вот такой жених у Софьи.
- Не понравился он дочке. Говорит, воспитан дурно. Дерзок, грубиян...

– А чего она хотела от подкидыша? Мальчик возмател в приюте. Но зато не светский щеголь, глупый и развратный. Надо с ним поближе познакомиться, а для начала в гости пригласить.

– Софья будет недовольна.

– Что ж, тогда я огорчусь. В кои-то веки вдруг нашелся дельный человек, даровитый и отважный. А она чего-то нос воротит. Будет продолжать – лишу приданого. Так ей и скажи.

Гагарин повернулся и ушел. Похожие разговоры состоялись и в других семьях родовых. Федора нашли чудаковатым, но вполне приличным женихом – ну, с таким-то состоянием... Закипела суэта – родовые вышли на охоту.

Глава 4

Спустя неделю после события во дворце Юсуповых на одной из улиц Тулы возле двухэтажного дома, у высокого кирпичного забора остановились три коляски. Из первых двух вышли Куликов и Рогов, их дети и супруги. Из третьей показался Федор. Спрыгнув на мощеную булыжником мостовую, протянул Варваре руку, помогая ей сойти. А затем оба подошли к офицерам, стоявшим в окружении семейств.

– Вот, извольте видеть, господа, – объявил всем Рогов, указав на дом. – Наша скромная обитель.

– Да уж, скромная! – хмыкнул Куликов. – Двухэтажный особняк из кирпича. Сколько комнат в доме?

– Вроде как десяток, – почесал в затылке Рогов. – Я, признаться, не считал.

– Это без кухни и чулана, – сообщила Алевтина. – Для жилья пригодны восемь. Три на верхнем этаже, там же и гостиная, остальные расположены на первом – для прислуги и гостей. Здесь же и столовая. Не сказать, чтоб дом большой. Зато двор хороший – есть, где детям поиграть. Или флигель возвести, если места в доме станет мало. Имеется сарай кирпичный для кареты и погреб с ледником.

– Все вам покажем, – улыбнулся муж. – Проходите, господа!

Подойдя к калитке, он открыл замок ключом и зашел во двор. Там же снял замок с ворот, а затем распахнул кованые створки.

– А неплохо вышло, – улыбнулся Куликов. – На капитана-привратника стоило посмотреть.

– Нет у нас пока прислуги, – сообщила Алевтина. – Потому приходится самим.

– Заезжайте! – крикнул Рогов кучерам. Три коляски друг за другом закатили в ворота. – Ждите! – приказал им капитан и направился к гостям. – Ну-с, с чего начнем осмотр? – поинтересовался.

– С дома, разумеется, – ответил Куликов. – Нам сарай без интереса, как и погреб с ледником.

И они пошли. Заглянули в кухню с каменной плитой – дровяную, разумеется, – а затем в столовую. Обошли все комнаты на первом этаже, потом по широкой лестнице поднялись на второй. Там тоже осмотрели все комнаты. Просторные и светлые, потолки высокие, беленые. В центре каждого – прихотливая розетка, из которой вниз свисают кабели.

– Электричество проведено, – указал на это Рогов. – А еще водопровод имеется. Ванная и клозеты в доме. Отопление двойное – паровое и печное. На случай, если вдруг с котельной что случится.

– Дорогонько, видно, встало, – хмыкнул Куликов.

– Да, не дешево, – ответил Рогов. – Агафонов, что дома здесь строил, торговаться не хотел. Дескать, покупателей хватает. Согласился только на рассрочку. Половину сразу, остальное – равными частями поквартально. Двадцать тысяч задолжали.

– Зажигалками отдашь, – успокоил Куликов. – За год набегит.

– За год не получится, – ответил Рогов. – Комнаты-то пустые стоят. Мебели мы заказали, тоже денежки ушли. И иного много нужно. Пару лет на выплаты уйдет.

– Но зато свой дом, – сказала Алевтина. – Столько лет о нем мечтали!

– Правильно, – сказала Куликова. – Деньги нам супруги заработают – правда, дорогой? Мы ведь этого достойны?

– Кто бы сомневался? – улыбнулся Куликов. – Даже заикнуться против не посмею.

Подойдя к окну, он выглянул наружу.

– А в соседнем доме кто живет?

– Да набоб какой-то поселился, – хмыкнул Рогов. – Дом такой же, как у меня, но отделан лучше. Лепнина у окон и под крышей, есть крыльцо с колоннами. Нам он тоже приглянулся, но в цене не сошлись. На пять тысяч больше за колонны с лепниной попросили. Тем не менее, его купили. Но владельцу мало этого показалось, так возвел еще и летний павильон. Деревянный, а зачем он нужен, не понять.

– Повар там хлопочет, – сообщил всем Куликов и, открыв окно, принялся жарить. Пахнет вкусно, аж слюнки потекли.

– Так давайте в ресторан, – Рогов улыбнулся. – Там отметим славное событие.

– Погодите! – Федор подошел к окну. – Для чего куда-то ехать? Здесь вот поедим, – указал на дом соседа.

– В гости напроситься? – покривился Рогов. – Неприлично как-то.

– Это мне доверьте, – ответил Федор. – Заодно с соседом познакомимся.

Спустя несколько минут офицеры с семьями оказались у ворот неизвестного набоба. Тут же побежал привратник и открыл им створки.

– Здравия желаю, вашсиясь! – поклонился Федору.

– Все готово, Епифан? – спросил тот.

– То армяшка лучше скажет, – отвечал привратник, указав на повара. – Он едою занимается.

Федор, получив ответ, направился к жаровням, у которых хлопотал пузатый человек в белом поварском колпаке.

– Здравствуй, Афанасий, – поприветствовал он мужчину. – Как там наш шашлык?

– Сей минут все будет, вашсиясь! – ответил кулинар. – Заходите в павильон. Глазом не моргнете, как сготовлю.

– Вы слышали, господа? – обернулся Федор к застывшим за спиной гостям. – Предлагаю всем немного угоститься.

Пропуская дам с детьми вперед, офицеры потянулись в павильон. Посреди него нашелся стол, накрытый скатертью и уставленный столовыми приборами. Здесь же заняли свое место бокалы и бутылки. На больших тарелках аппетитными горками лежали хлеб и холодные закуски, как-то: буженина, сыр «со слезой», ветчина и окорок. Были еще кислая капуста и бочковые огурцы. А вот стульев в павильоне не нашлось – лишь простые лавки. Их для красоты прикрыли покрывалами. Два официанта, ожидавшие гостей, помогли им всем рассестись. Для детей на лавки уложили толстые подушки. Приняли фуражки у мужчин, женщины остались в шляпках.

– Дамам предложи вина, – сказал Федор подлетевшему к нему официанту. – А мужчинам лучше бы коньяк. День сегодня хоть и ясный, но холодный. Надо бы согреться. Девочкам и мальчику – сидро.

– Понял, вашсиясь! – ответил половой и метнулся исполнять.

Не прошло минуты, как в бокалах заплескалась жидкость. У мужчин – янтарного цвета, а у дам – рубиново-красная. Дети получили светло-желтое сидро.

– Предлагаю тост за Роговых, – Федор поднял свой бокал. – И за их семейное гнездо. Чтобы им там было хорошо и радостно.

– Не гнездо – приют, – поправил Рогов. – Мы не птицы, чтобы гнезда вить.

– Не люблю я о приюте вспоминать, – ответил Федор. – Впрочем, как хотите. Будьте счастливы, друзья!

Гости опустошили бокалы и отдали должное закускам. Свежий воздух и прохладная погода нагнали аппетит. Половые вновь наполнили бокалы. Не успели гости их поднять, как явился Афанасий с блюдом, полным мяса. От него вился кверху небольшой парок. В павильоне вмиг распространился духовитый аромат.

– Все готово, вашисясь! – Афанасий водрузил блюдо в центр стола. – Ах, какой шашлык сегодня вышел! Молодой барашек, мягкий, жирный. Мясо можно даже не жевать.

В доказательство он взял зажаренный кусок и легко порвал на части пальцами. Получившиеся кусочки бросил в рот.

– Вах, как вкусно! – сообщил присутствующим. – Ешьте, дорогие господа! Вам никто такого больше не подаст, только повар Афанасий! Лучший мастер шашлыка в России.

– Что Россия? – улыбнулся Федор. – Таких мастеров ни в Европе, ни в Америке не сыскать!

– Правда ваша, вашисясь! – согласился Афанасий. Шутки он не распознал. А вот гости засмеялись.

– Но мы все же проверим.

Федор наколот на вилку небольшой кусок баранины и забросил в рот. Прожевал под взглядами гостей.

– Замечательно! – сказал довольно и достал бумажник из кармана. Вытащив купюру, протянул ее повару.

– Благодарствую! – ответил тот и спрятал денежку в карман. – Через пять минут котлеты будут.

Поклонившись, Афанасий убежал.

– Угощайтесь! – Федор указал на блюдо. Подскочили половые, разложили мясо по тарелкам. Некоторое время в павильоне был слышен стук ножей и вилок о посуду.

– Вкусно, даже очень, – заметил Куликов, кладя вилку на тарелку. – Мясо сочное, душистое. Никогда не думал, что баранина... Где ты откопал такого повара?

– Это все Варвара Николаевна, – Федор указал на Оболенскую. – Попросил, она и нашла.

– Так он сам же подсказал, – сообщила всем Варвара. – Дескать, поищи среди кавказцев. Ну, а тех не много в Туле.

– Как готовят это блюдо? – поинтересовался Куликов.

– Мясо обязательно парное, – ответил Федор. – Перец, соль, душистые приправы. Дать немного полежать в кастрюле, предварительно добавив чуть вина. Жарить на углях.

– Говоришь, как будто сам готовил, – улыбнулся Куликов.

– Приходилось, – согласился Федор.

– А теперь скажи нам, дорогой, – не унялся Куликов. – Почему ты тут распоряжаешься? Где владелец дома? Отчего он разрешил?

– С этим другом мы дружны, – скаламбурил Федор.

Тут Варвара засмеялась.

– Да, скажите, наконец! – попросила, вытерев глаза.

– Ладно, – согласился Федор. – Вы простите мне мистификацию. Это я – набоб. Павильон велел построить специально. Дом стоит пустой, без мебели, негде было принять вас и угостить. Павильон не помешает – будем летом в нем обедать.

– Почему же сразу не сказал? – воскликнул Рогов.

– Захотел сюрприз вам сделать, – ответил Федор. – Князь Юсупов приказал мне дом купить. Не годится, дескать, проживать в квартирах, ты же мой наследник. Попросил Варвару Николаевну подыскать готовый. А она и говорит: Михаил Игнатьевич с супругой домик приглядели, рядом тоже продается. Съездил, посмотрел, понравилось. И соседи, вроде как, хорошие. Вы согласны? – обратился к Рогову.

Тот развел руками.

– Мы очень рады, – сообщила Алевтина. – Нам приятно жить с таким соседом. Лишь одно смущает. Дом у князя есть, а супруги не имеется. Кто же станет в нем хозяйкой?

– Я с женитьбой не тороплюсь, – пожал плечами Федор. – Старый князь невест мне подбирает, только я их не хочу. А Варвара Николаевна будет управлять моим хозяйством. Предложил ей эту службу, и она любезно согласилась, сняв с меня заботы.

– Необычно, – хмыкнул Куликов. – Барышня на месте управляющего.

– Но справляется прекрасно, – ответил Федор. – Дом вот этот присмотрела, павильончик быстро возвела. Где нашла подрядчика, не знаю, только мигом сколотили, даже стол и лавки не забыли. Угощение для вас – опять же Варвары Николаевны заслуга. Я ей очень благодарен.

Гости посмотрели на Варвару. Она смутилась и потупила глаза.

– Предлагаю тост за Федора! – Рогов поднял свой бокал. – Замечательного человека, умницу и добрую душу. Чтобы в его доме была радость, и смеялись дети!

– Вот за это непременно! – поддержала Алевтина. – Дети – это счастье.

Гости осушили вновь бокалы и легонько закусили. Появился повар Афанасий и принес котлеты из баранины – стейки с ребрышками, запеченные на углях. Все набросились на угощение. Когда гости насытились, мужчины вышли покурить. Следом устремились дети – побегать, осмотреть окрестности. За павильоном обнаружили качели – лавочка со спинкой, на цепях подвешенная к толстой перекладине между двух столбов. Дети ее тут же оккупировали и принялись качаться, оглашая двор довольным визгом. Мужчины отошли к воротам.

– Как тебя приняли в Москве? – поинтересовался Рогов. – Родовые не косились?

– Не сказать, чтоб слишком, – Федор затаился папиросой. – Да и я, признаться, не запомнил. Там нас всех убить попытались.

– Это как же? – удивился Куликов.

Федор рассказал.

– Вот дела! – воскликнул Рогов. – А в газетах не писали.

– Полагаю, что полиция вмешалась, или даже кто повыше. Запретили репортерам. Случай очень странный, согласитесь. Тут похоже на диверсию – уничтожить столько Осененных... С террористами-то разберутся, но я уверен, что за ними уши германцев торчат.

– Хорошо, что вышел покурить и заметил негодяев, – отозвался Куликов. – Осененных мне не жалко, зато ты нам очень дорог. Взорвалась бы адская машина – и не стало друга. Мы бы очень горевали, так ведь, Михаил?

– Разве только мы? – ответил Рогов. – Весь завод бы сокрушался – Федор жизнь в него вдохнул. Потерять такого человека... А другого не найдешь. Жаль, что Федор принял предложение Юсупова. С родовыми смерть рядом бродит. В этот раз свое не взяла, в другой раз попытается.

– Все под богом ходим, – Федор пыхнул дымом. – Обо мне не беспокойтесь – я в Москву пока не собираюсь. А ближайший месяц проведу в Париже – получил письмо из Петербурга, на завод пришло. Французов заинтересовал мой пулемет. В ГАУ возбудились и решили, что изобретатель лучше всех его представит.

– Если купят на него лицензию, прогремишь по всей Европе, – хмыкнул Куликов. – Чтобы русское оружие признали за границей... До сих пор лишь мы у них патенты покупали.

– Оболенскую с собой возьмешь? – спросил Рогов.

– Кто же ездит в Тулу с самоваром, а в Париж – с подругой? – засмеялся Куликов. – Эх, Париж, Монмартр, мамзельки! Рестораны, лямуры-тужуры...

– О лямурах ты потише, – улыбнулся Рогов. – Услышит Полина – будет тебе тужур.

– Не накаркай! – оглянулся Куликов. – Не хватало мне скандала с благоверной.

И все трое дружно рассмеялись...

В это же время в павильоне тоже шел разговор.

– Ну, и каково тебе теперь? – вопрошала Алевтина. – В роли управляющей?

– Да получше, чем в библиотеке, – улыбнулась ей Варвара. – Хотя хлопот много. Дом вот этот присмотрела, наняла прислугу. Епифан, что у ворот нас встретил, – дворник, сторож

и помощник по хозяйству. Жена у него кухаркой, но сегодня ее повар заменил, а Матрена в доме убирает. Мы им комнату отдали под жилье, кормим, деньги платим.

– А другое? – не отстала Алевтина. – Понимаешь, о чем я?

– Тут – как раньше, – развела руками барышня.

– Что, совсем не попытался? – не поверила Полина.

– Нет, – Варвара покачала головой. – Другом меня называет. Выписал доверенность на управление счетом в банке. Я могу взять любую сумму. Приказал мне закупить себе одежды – дескать, ты моя домоправительница и должна выглядеть достойно. Спим мы в разных комнатах на железных койках – мебель заказанную пока не изготовили. Позже койки те прислуге отдадим. Федор рассказал, что в Москве был представлен моему отцу и матери. Сообщил им обо мне: дескать, взял на службу. Оба захотели дочку повидать, мать письмо прислала. Ну, а я не знаю, что ответить.

– Снова в род принять желают? – удивилась Алевтина.

– Очень может быть. Я теперь Юсуповым служу – это не зазорно и почетно. Богатейший и влиятельный род. А еще они решили, полагаю: между мной и Федором любовь. Вдруг он замуж позовет – для Оболенских это выгодная партия. Только ничего не выйдет – наш род Юсуповым не чета. Не позволит старый князь на мне жениться – наши семьи не дружны. Если Федор вдруг послушается, князь объявит брак недействительным – есть такое право у главы рода.

– Значит, нужно жить невенчанными, – заключила Алевтина. – Ну, а там и князь скончается. Он не вечен.

– На неделе Федор уезжает в Петербург, – продолжила Варвара. – А оттуда отплывет во Францию. Пулемет свой показать союзникам, говорит: они заинтересовались. Расстаемся как бы не на месяц.

Варвара пригорюнилась.

– Ну, так в чем беда? – улыбнулась Алевтина. – Пусть тебя с собой возьмет. Там, вдали от глаз сторонних, вы и сблизитесь.

– Если он захочет взять, – вздохнула барышня.

– Ну, так попросись! – сказала Алевтина. – Дескать, хочется в Париж. Я бы сама не отказалась, – женщина вздохнула. – Только денег нужно много, ну, а мы тут дом купили. Может, года через два...

– Попросись! – поддакнула Полина. – Федор не откажет. Сердце у него доброе.

– Это как к кому, – Варвара покачала головой. – Мать в письме мне написала о большом скандале. Когда шел прием, на дом Юсупова напали террористы. Притащили адскую машину и хотели всех взорвать. Слуг Юсупова зарезали, чтобы не мешали. Федор террористов обнаружил и побил их крепко. Кое-кто из них, как мама пишет, после этого преставился.

– Так туда им и дорога! – сказала Алевтина. – Нам с чего убийц жалеть? Федор поступил как настоящий офицер – людей от смерти спас. Мог бы нападавших самолично и казнить, родовым это позволено.

– Я бы негодяев этих сама бы задушила! – подключилась к ней Полина. – Ишь, чего надумали антихристы! Адскою машиною убивать людей. А ведь там и дамы были, полагаю, да и барышни невинные. Так что слушай Алевтину, дорогая. Попроси Федора взять с собой в Париж.

– Хорошо, – ответила Варвара...

* * *

Федор вошел в кабинет военного министра и принял стойку «смирно».

– Здравия желаю, ваше высокопревосходительство! Капитан Юсупов-Кошкин прибыл по приказу.

– Князь, а не капитан, – поправил Сухомлинов. – Если у офицера есть титул, он идет перед чином.

– Не привык еще, – поведал Федор. – Князем стал недавно.

– Проходите и присаживайтесь, – предложил министр и продолжил после того, как офицер занял кресло. – У меня к вам будет разговор. Вы ведь отправляетесь во Францию?

– ГАУ посылает показать мой пулемет союзникам, – ответил Федор. – Их военным захотелось посмотреть на новое оружие. Может, купят на него лицензию.

– Это было бы хорошо, – согласился Сухомлинов. – Я уверен, что с задачей справитесь. У меня к вам будет поручение. Человек вы умный и пытливый, в деле разбираетесь. Присмотритесь к образцам французского оружия. Может, что-то нужно позаимствовать.

– Я сейчас могу сказать, – ответил Федор. – Нам нужны аэропланы и грузовики.

– Почему они? – спросил министр.

– Предстоящая война будет не похожа на другие – те, что проходили раньше. Огромные массы войск, тысячи орудий, сотни кораблей. Отследить перемещение противника можно лишь посредством авиаразведки. По-другому не получится. Нам потребуются сотни аэропланов. Мы их можем сами строить, но нужны моторы. Те, что выделяются в России, не подходят, и наладить производство скоро не получится. Не хватает нужных сплавов, оборудования и кадров. Потому моторы нужно закупить сейчас вместе с образцами аэропланов. Договориться о поставке их в дальнейшем. С началом войны с этим станет сложно.

– Гм! – сказал министр. – Не ожидал, что вы настолько знаете проблемы авиации. Пожалуй, соглашусь. Поговорю с Шишкевичем. С этим мне понятно, а теперь грузовики. Их-то сколько нужно?

– Для начала тысяч двадцать, в идеале – сто.

– Вот как? – изумился Сухомлинов. – Для чего же столько?

– Воевать нам предстоит с Германией. Боевые действия развернутся в западных губерниях России. Перебрасывать войска и снаряжение придется по железным дорогам, но их там недостаточно. А у немцев сеть дорог густая. Они получают преимущество в маневре, чем, конечно, и воспользуются. Они смогут быстро перебросить подкрепления и нанести удар. Мы сумеем это упредить или же ответить, оперативно подтянув резервы. Для того нужны грузовики.

– Интересная мысль, – произнес министр. – Даже очень дельная. До сих считал вас оружейником, но, как вижу, есть у вас и прочие способности. Я подумаю над вашим предложением, хотя трудности предвижу. Понадобятся немалые ассигнования, а нам их выделяют неохотно.

– Прусский король Фридрих Великий как-то произнес фразу: «Народ, не желающий кормить свою армию, вскоре будет кормить чужую». Сообщите ее тем, кто станет возражать.

– А вы дерзки, – заметил Сухомлинов. – Хотя опять не возразишь. Война потребует огромных средств.

– Придется занимать их за границей, да еще на невыгодных условиях. Лучше сделать это в мирное время.

– Такой огромный заем насторожит Германию и может стать поводом к войне.

– Ее и так объявят, – ответил Федор. – Германцы к ней давно готовятся. Слыхали о диверсии в Москве?

– Нет, – ответил Сухомлинов.

Федор кратко рассказал.

– Уничтожить столько Осененных – мечта немецких генералов, – подвел итог в конце. – Для того революционерам дали тринитротолуол, который невозможно купить простому человеку. Они не применяли его раньше. Это германский след.

– Это нужно доказать, – не согласился Сухомлинов. – Сомневаюсь, что Германия решится объявить войну России. Тут же вступятся союзники, и она столкнется со сражениями на двух фронтах.

– Не уверен, – покачал головой Федор. – Да, союзники объявят Германии войну. Что же будет дальше? Французы сядут на линии Мессими и не двинутся с места. Они же столько лет ее строили! Об участии Британии и говорить смешно – сухопутная армия империи вызывает жалость. В Берлине это понимают. Потому у германского штаба может зародиться мысль вывести Россию из войны, принудив ее подписать сепаратный мир. А потом и Францией займутся.

– Нас легко не победить! – возразил министр. – Наша армия сильна, как никогда. Неудачная война с японцами изменила многое. Есть оружие, офицеры и солдаты. Регулярные учения показали, что мы многое умеем.

– А снаряды и патроны? Их в достатке?

– Полагаю, да, – сказал министр.

– Современная война приведет к большому расходу боеприпасов. Тех, что накопили, хватит лишь на пару месяцев. В лучшем случае – на полгода. А потом наступит снарядный голод.

– Война столько не продлится, – возразил министр. – Месяц – два, и все закончится.

– Какова численность армии Германии? – не замедлил Федор. – Вместе с резервистами? Миллионов пять, не меньше. За два месяца разгромить огромную армию? Невозможно, господин министр. На такое понадобятся годы. Нам штыками воевать, как когда-то при Суворове?

– Гм! – сказал министр. – Я вас не задерживаю, князь. Желаю вам счастливого пути и непременно исполнить мое поручение.

– Честь имею!

Федор встал, поклонился и вышел. Сухомлинов достал из портсигара папиросу, чиркнул спичкой, закурил. «До чего же дерзок и нахален этот князь, – подумал раздраженно. – Генералов учит воевать. Сам давно ли стал офицером? Чин свой получил случайно, отличившись на границе. Думает, что если обзавелся титулом, так равня министру? Нет, шалишь!» Сухомлинов докурил и погасил окуроч в пепельнице. На мгновение задумался. Да, конечно, князь наглец, но умен, однако. Про грузовики и аэропланы дельно рассказал. Но не все так просто. Даже если выделяют на них ассигнования, то все быстро организовать не получится. Кроме того, где взять тысячи авиаторов? А шоферов? Их же нужно подготовить. Машины станут выходить из строя – кто их будет ремонтировать? Нужно создавать отдельную структуру.

«Автомобильные войска», – вдруг всплыло в голове. Министр оценил название и кивнул: подходит. Почему бы нет? Воздушный флот создан, теперь пусть будут и автомобильные части. Что до остального... Сухомлинов звонком вызвал адъютанта.

– Вот что, – сказал капитану с аксельбантами. – Ты составь, голубчик, письмо ГАУ от моего имени. Попроси их оценить расход боеприпасов в случае войны с Германией и возможности промышленности по пополнению истратенного.

– Слушаюсь! – ответил адъютант, повернулся и вышел.

«Вот и пусть считают! – подумал генерал. – Если князь Юсупов прав, будет повод обратиться на это внимание царя и потребовать содействия. Не дадут его – бумажкой можно защититься: дескать, вот расчеты».

Успокоив себя этой мыслью, министр углубился в документы.

* * *

Царь вошел в зал для совещаний и сделал знак вставшим при его появлении министрам снова сесть. Занял место во главе стола.

– Нам нужно обсудить неприятное событие, – объявил собравшимся. – Приступайте, Александр Александрович! – кивнул министру внутренних дел. – Не вставайте, в этом нет нужды.

Макаров нацепил очки и открыл кожаную папку.

– 6 октября сего года, – начал ровным голосом, – в Москве была совершена попытка убить большую группу Осененных с домочадцами. Они собрались в доме у Юсупова, где князь собирался представить им наследника. Террористы из Боевого крыла партии эсеров проникли во дворец Юсуповых, убив при этом троих слуг. Затем затащили внутрь адскую машину из ящиков с тринитротолуолом и намеревались привести ее в действие, запалив огнепроводные шнуры.

Министр сделал паузу, вздохнул.

– Теракт был очень хорошо подготовлен. Удайся он – и мы бы понесли невосполнимые потери Осененных. У князя собрались главы всех родов Москвы и кое-кто из Петербурга. К счастью, террористов разглядел молодой Юсупов, который вышел покурить. Используя свой дар, обезвредил четверых нападавших. Троих при этом удалось взять живыми. Погибла только женщина, известная эсерка Розалия Лейбович, вдова повешенного террориста Семена Алексеева, который готовил покушение на губернатора Одессы...

– Подробности с Лейбович можно опустить, – заметил царь.

– Понял, Ваше Императорское Величество, – кивнул министр. – Из переданных полиции троих эсеров двое были простыми боевиками и интересных сведений не сообщили. К тому же не желали говорить. А вот третий оказался значимой фигурой. Ефим Соркин, один из руководителей Боевого крыла партии эсеров. Поняв, что его в конечном счете ожидает, Соркин стал сотрудничать со следствием. Поведал много интересного. Остановлюсь на главном: он агент германской разведки, и по ее заданию много лет вместе с другими террористами убивал высокопоставленных чиновников России. Так, к примеру, Соркин приготовил и осуществил покушение на премьер-министра Столыпина...

За столом раздались восклицания.

– Тише, господа! – призвал к порядку царь. – Министр не закончил свой доклад. Продолжайте, Александр Александрович!

– Задание на убийство Осененных Соркин получил от германской разведки. Она же обеспечила доставку в Россию взрывчатки и новейших взрывателей, используя, полагаю, дипломатическую почту. Маркировка на брикетах тринитротолуола и взрывателях убедительно свидетельствует об их германском происхождении. Следует заметить, что частному лицу их не купить – запрещено категорически. Это подтверждает сообщение Соркина.

– Другие доказательства имеются? – спросил министр иностранных дел.

– Да, Сергей Дмитриевич, – кивнул Макаров. – За убийство Осененных германцы щедро заплатили. На счет Соркина в швейцарском банке перечислено полмиллиона марок. Подтверждающие документы у полиции имеются.

– Если предъявить претензии, германцы могут отпереться, – сказал Сазонов. – Маркировка на взрывчатке и перевод денег Соркину, конечно, доказательство, но не железное, как было в пограничном инциденте в мае сего года. Тогда на нашей территории лежали трупы германских солдат и офицеров и имелись пленные. Германцам было нечего сказать. Сейчас заявят, что Соркин врет.

– Не спешите, Сергей Дмитриевич, – заметил царь. – Мы позвали вас не для того, чтобы обсудить ноту для Берлина. Открылись ужасающие обстоятельства. Не первый год германцы посредством террористов убивают первых лиц империи. Дошли до покушения на Осененных. Не пожелай наследник князя выйти покурить, теракт бы удался. И что тогда? – Георгий гневно засопел. – Железный повод для войны. Я пригласил вас, господа, чтобы обсудить, насколько мы готовы к ней. Вы первый, Владимир Александрович.

– Оружия у армии в достатке, – сказал военный министр. – Есть пушки и винтовки, пулеметы и запас боеприпасов. По моей просьбе в ГАУ посчитали, на какое время его хватит. Получилось – максимум, на полгода. Если боевые действия затянутся, мы столкнемся с недостатком снарядов и патронов.

– По какой причине недостаток? – спросил царь.

– Ассигнований выделяли мало, хоть мы и просили.

– Владимир Николаевич? – посмотрел Георгий на министра финансов.

– Бюджет сверстан хоть и с профицитом, но довольно незначительным, – ответил тот. – Удовлетворить запросы военного министерства мы не в состоянии.

– Можно взять заем у той же Франции, – продолжил Сухомлинов. – Сомневаюсь, что откажут.

– Военный заем насторожит Германию, – сказал министр иностранных дел. – От нас потребуют объяснений, вплоть до ультиматума.

– Мы не станем покупать у Франции оружие, – парировал военный министр. – Металло-режущие станки, оборудование для производства взрывчатки и пороха. Оно двойного назначения, и можно заявить, что развиваем собственную химическую промышленность. А еще купим грузовики для перевозки войск и боеприпасов. В этом тоже нас не обвинить – России с ее огромными просторами нужен транспорт. Немцы, может, не поверят, но сказать им будет нечего. Их в Европе не поймут.

– Кредиты нужно отдавать, – сказал министр финансов. – Выплаты по ним тяжелым бременем лягут на экономику империи.

– В случае поражения в войне нас принудят к репарациям, – возразил Сухомлинов. – И они встанут нам куда дороже, чем французский заем.

– Владимир Николаевич, – Георгий посмотрел на министра финансов. – Проработайте вопрос о займе. Сумму согласуйте с военным министерством.

– Значит, война неизбежна? – спросил министр.

– Нам не оставили выбора, – ответил царь. – Хотим мы или нет, войны не избежать. Германия готовится, и мы не должны отстать. Николай Петрович, – посмотрел на начальника Главного штаба. – Сообщите нам о ваших планах.

– В случае объявления войны Германией Главный штаб предполагает следующие действия, – начал генерал Михневич. – Силою двух армий нанести стремительный удар по Кенигсбергу. Захватив город и покончив с сопротивлением, армии развернутся и ударят во фланг центральной германской группировки, которую в то время будут сдерживать в Белоруссии. Одновременно нанесет удар Южный фронт российской армии. Его цель – разгромить и заставить выйти из войны Австро-Венгрию. Справившись с задачей, войска повернут на север и ударят в южный фланг германских войск, поставив их в сложное положение. Германия запросит мира. Это если в двух словах. План Главным штабом проработан досконально и признан вполне осуществимым. Но понадобится помощь от союзников. Они должны тоже начать наступление. Это отвлечет значительную часть германских войск с наших рубежей.

– А союзники ударят? – спросил внезапно Сухомлинов.

– У нас с ними договор, – поспешил министр иностранных дел. – В случае нападения на Россию они вступят в войну с Германией.

– Объявить ее они объявят, – не сдался Сухомлинов. – А вот пойдут ли в наступление? Для чего французы строили линию Мессими? Не затем ли, чтоб за ней сидеть? У французского Генерального штаба разработаны планы наступления? Они собираются их выполнять? Что об этом нам известно?

– К чему это ваше выступление, Владимир Александрович? – нахмурился царь. – Что вы хотите сказать?

– Точно так же, как мы собираемся вывести из войны Австро-Венгрию, германцы могут пожелать сделать это с Россией. Пока союзники будут думать, что предпринять, навалятся на нас со всей мощью. А у нас войск на западном направлении недостаточно, подготовленных линий обороны нет. Мы не устоим.

– Что вы предлагаете? – спросил Георгий.

– Начать строить рубежи обороны. Объявить скрытную мобилизацию и перебросить в западные округа дополнительно несколько армий. Вооружить их и снабдить всем необходимым. Нам нужно выдержать первый удар, а потом будем думать о наступлении. Рано или поздно, но союзники подключатся.

– Это противоречит концепции маневренной войны, – возразил начальник Главного штаба. – А она ожидается таковой.

– Сколько Германия может бросить против нас штыков и сабель? – спросил Сухомлинов.

– Миллионов пять, – ответил генерал. – Если оголит западный фронт.

– Вы планируете разгромить пять миллионов в маневренной войне, да еще в короткий срок? – хмыкнул Сухомлинов. – В 1812 году Наполеон пришел в Россию с шестисоттысячной армией. Нам понадобилось более трех месяцев, чтобы справиться с врагом. У германцев будет вдесятеро против этого, да еще с тяжелыми пушками и пулеметами. Как их сходу победить? Я иллюзий не питаю. Как бы предстоящая война не продлилась годы. Вот к такой и следует готовиться.

– Николай Петрович, – обратился царь к Михневичу. – Каковы данные разведки? Готова ли Германия к войне?

– После инцидента на границе она ускорила подготовку, – ответил генерал. – Не скажу, что полностью уверен, но военных действий следует ожидать к началу лета.

– Примем за основу эту дату, – сказал Георгий. – Жду от вас соображений, как нам отразить нападение противника. Если он не нападет – что же, мы скажем: «Слава Богу!» Если это все же случится, то мы должны быть готовы. Каждый здесь присутствующий должен мне представить планы своих ведомств. Сделать это нужно, не затягивая. До свиданья, господа!

Царь встал и покинул зал для заседаний. Министры проводили его взглядами и стали собираться. К Сухомлинову подошел Михневич.

– Что на вас нашло, Владимир Александрович? – произнес он с укором. – Отчего вдруг поменяли прежние воззрения? Вот откуда взяли про окопную войну? Не могу представить, чтоб Германия вдруг решила бросить силы против нас. Главный враг для них – французы.

– Много размышлял, Николай Петрович, – ответил Сухомлинов. – Совещался с умными людьми. И они сказали, что такое может и случиться. Нужно быть к нему готовыми.

– Что ж, потрудимся, – сказал Михневич. – Проработаем в деталях. До свидания, Владимир Александрович!

– До свидания, – ответил Сухомлинов.

Покидая зал для совещаний, он не мог сказать, зачем затеял этот спор с коллегами. И уж никогда бы не признался, что причиной стал тот странный разговор с Юсуповым.

ГАУ – Главное артиллерийское управление.

Генерал-майор М.И. Шишкевич в то время возглавлял Воздухоплавательную часть Главного управления Генштаба России.

Адольф Мессими – в реальной истории военный министр Франции в 1911–1912 годах. Был снят с поста за приверженность оборонительной доктрине. Линии его имени в Реальной истории не было, но это фантастика.

В реальной истории именно Сухомлинов способствовал появлению в российской армии авиации и автомобильных войск.

В реальной истории Сухомлинова отдали под суд как раз за нехватку боеприпасов.

Сазонов, Сергей Дмитриевич – министр иностранных дел России в 1910–1916 годах.

Глава 5

Путешествие в Гавр оказалось скучным. В морском порту Петербурга Федор и его спутники сели на французский пароход «Серена» и вышли в море. Осенняя Балтика встретила неприветливо. Штормило, шел дождь – холодный и колючий, пассажиры сидели в каютах. Многих мучила морская болезнь. Федора она, впрочем, не затронула. Три раза в день он появлялся в кают-компании, где отдавал должное блюдам, приготовленным поваром-французом, и отправлялся к себе. Там читал книжки или просто лежал, глядя в крашенный белой краской железный потолок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.